

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра теории германских языков и межкультурной коммуникации

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой ТГЯиМКК
_____ О.В. Магировская
« ____ » _____ 2022 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ
**КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СФЕРА «ЧЕЛОВЕК»
В РУССКОМ ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКЕ**

45.04.02 Лингвистика
45.04.02.01 Межкультурная коммуникация и перевод

Магистрант _____ Р.Д. Аскерова

Научный руководитель _____ д-р филол. наук,
зав. кафедрой ТГЯиМКК
О.В. Магировская

Нормоконтролёр _____ Я.М. Янченко

Красноярск 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СФЕРЫ «ЧЕЛОВЕК» В РУССКОМ ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКЕ.....	8
1.1. Картина мира как глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека.....	8
1.2. Концепт как единица картины мира.....	14
1.3. Языковая актуализация концепта.....	18
1.4. Специфика формирования сложного концептуального знания.....	23
1.5. Жестовый язык как особая семиотическая система кодирования знаний о мире.....	27
1.5.1. История становления и изучения жестовых языков.....	27
1.5.2. Уровневая структура жестовых языков.....	32
1.5.2.1. Фонетический уровень жестового языка.....	33
1.5.2.2. Морфологический уровень жестового языка.....	36
1.5.2.3. Лексический уровень жестового языка.....	40
1.5.2.4. Синтаксический уровень жестового языка.....	44
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1.....	48
ГЛАВА 2. СПЕЦИФИКА ЖЕСТОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СФЕРЫ «ЧЕЛОВЕК» В РУССКОМ ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКЕ	50
2.1. Решение проблемы «человек как объект познания» в истории развития научной мысли	50
2.2. Репрезентация концептуальной сферы ЧЕЛОВЕК в русском жестовом языке.....	58
2.2.1. Жестовая репрезентация человека как существа физиологического (анатомия человека).....	58
2.2.2. Жестовая репрезентация человека как существа психологического (характер человека).....	64

2.2.3. Жестовая репрезентация человека как существа социального (профессиональная деятельность человека).....	74
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2.....	85
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	88
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	92

ВВЕДЕНИЕ

Магистерская диссертация посвящена выявлению особенностей жестовой репрезентации различных аспектов концептуальной сферы ЧЕЛОВЕК в русском жестовом языке.

Актуальность настоящей работы обусловлена недостаточным научным освещением и малым объемом накопленных сведений об устройстве и функционировании жестовых языков, а также о процессе концептуализации в таких семиотических системах, которые на протяжении многих лет существуют наравне со звучащими языками. Особое внимание привлекает отсутствие исследований специфики жестовой концептуализации концептуальной сферы ЧЕЛОВЕК в современной лингвистической науке.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые обнаруживается и описывается специфика жестовой концептуализации таких категорий, как «человек как физиологическое существо (анатомия человека)», «человек как психологическое существо (характер человека)», «человек как социальное существо (профессиональная деятельность человека)», которые в совокупности образуют концептуальную сферу ЧЕЛОВЕК в русском жестовом языке.

Объектом исследования выступают основные аспекты концептуальной сферы ЧЕЛОВЕК, получающей свою репрезентацию в русском жестовом языке.

Предметом исследования являются способы жестовой репрезентации основных аспектов концептуальной сферы ЧЕЛОВЕК.

Цель исследования – выявление и систематизация основных способов жестовой репрезентации концептуальной сферы ЧЕЛОВЕК, а также концептуальных смыслов, лежащих в ее основе в русском жестовом языке.

Достижение данной цели обуславливает постановку и решение следующих **задач**:

1. определить основные теоретические понятия исследования: «картина мира», «концептуализация», «концепт»;
2. рассмотреть имеющиеся исследования зарубежных и российских ученых по жестовым языкам;
3. изучить уровневое строение русского жестового языка;
4. выявить специфику жестовой концептуализации концептуальной сферы ЧЕЛОВЕК в русском жестовом языке;
5. систематизировать особенности и способы жестовой репрезентации основных аспектов концептуальной сферы ЧЕЛОВЕК в русском жестовом языке.

Теоретической базой исследования послужили работы отечественных и зарубежных ученых в области когнитивной лингвистики (Апресян Ю.Д., Болдырев Н.Н., Брутян Г.А., Вайсгербер Й.Л., Кубрякова Е.С., Колшанский В.Г., Павиленис Р.И.), сурдопедагогики и дактилологии (Гейльман И.Ф., Зайцева Г.Л., Флёри В.И. и др.), а также теории жестовых языков (Буркова С.И., Филимонова Е.В., Johnston T., Schembri A., Kimmelman V., Liddel S.K., Padden C.A., Pfau R., Quer J., Sandler W., Lillo-Martin D., Stokoe W.; Sutton-Spence R., Woll B., Zeshan U.).

В качестве **материала** для исследования были использованы 80 видео-примеров жестов русского жестового языка, которые представлены в электронном международном словаре жестовых языков *Spread the Sign* [Spread the sign: URL].

Основными **методами** исследования в данной работе являются теоретический анализ, обобщение, систематизация, метод семантического описания жеста, метод концептуального анализа, сопоставительный анализ.

Апробация результатов исследования осуществлялась на ежегодной Международной научно-практической конференции ИФиЯК (СФУ) «Язык, дискурс, (интер)культура в коммуникативном пространстве человека» в 2021 и в 2022 годах. Материалы работы были также представлены на 3 Международной научной конференции «Лингвокультурные универсалии в

мировом пространстве» Воронежского государственного технического университета, по результатам которой опубликована статья в сборнике материалов данной конференции (журнал из перечня РИНЦ).

Теоретическая значимость исследования определяется возможностью применения полученных в ходе исследования выводов о специфике жестовой концептуализации в общую теорию концептуализации, семиотику и теорию жестовых языков. Исследование также вносит вклад в дальнейшее изучение жестового языка как полноценной семиотической системы кодирования знаний о мире.

Практическая значимость данной работы заключается в возможности включения полученных результатов исследования в содержание курсов по общему языкознанию, семиотике, жестовым языкам и когнитивной лингвистике.

Структура работы. Выпускная квалификационная работа в форме магистерской диссертации состоит из Введения, теоретической и практической глав, завершающихся краткими выводами, Заключения и Списка использованной литературы.

Во **Введении** обосновываются выбор темы и ее актуальность, выделяются объект и предмет исследования, раскрывается научная новизна работы, формулируются цель и задачи исследования, перечисляются применяемые в ходе исследования методы, определяется теоретическая и практическая значимость работы, описывается структура диссертации.

В **Главе 1** «Теоретические основания исследования концептуальной сферы ЧЕЛОВЕК в русском жестовом языке» раскрываются определения картины мира, концептуализации, концепта как единицы картины мира, рассматриваются вопросы, связанные с актуализацией концепта в языке, формированием концептуальных полей и сфер, а также описываются история и природа жестового языка и его языковые уровни.

В **Главе 2** «Специфика жестовой репрезентации концептуальной сферы ЧЕЛОВЕК в русском жестовом языке» рассматриваются основные

аспекты концептуальной сферы ЧЕЛОВЕК, проводится подробный анализ жестов, их репрезентирующих, а также систематизируются выявленные особенности и способы жестовой репрезентации этих аспектов.

В **Заключении** подводятся итоги работы, приводятся основные результаты исследования и намечаются дальнейшие перспективы исследования.

Список использованной литературы включает 105 источников, из которых 27 на английском языке.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СФЕРЫ «ЧЕЛОВЕК» В РУССКОМ ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКЕ

1.1. Картина мира как глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека

На протяжении всей своей жизни человек наблюдает за окружающей его действительностью и анализирует ее. Вся информация о мире, полученная им в результате переработки чувственного восприятия и множественных когнитивных процессов, находит отражение, накапливается и хранится в сознании в виде интегральной картины мира.

Понятие «картина мира» впервые было применено Л. Витгенштейном в философских трактатах [Алефиренко, 2006], а термин «картина мира» был введен в научный оборот в рамках физики. Одним из первых им стал пользоваться Г. Герц в отношении физической картины мира. Немецкий ученый рассматривал ее как совокупность внутренних образов внешних предметов, из которых логическим путем можно получать сведения относительно поведения этих предметов. Первоначально картина мира представляла собой продукт перекодирования воспринимаемых сигналов – первичных данных, фиксируемых искусственными или органическими приборами, и вторичных данных, выступающих результатом перекодирования первичных данных [Власова, 2012: 61].

С развитием науки термин получил широкое распространение и стал употребляться в других областях, что, в свою очередь, дало толчок для появления новых интерпретаций и взглядов на него. Как отмечает М. Хайдеггер, произнося слово «картина», мы думаем об отображении чего-либо, а «картина мира, сущностно понятая, означает не картину, изображающую мир, а мир, понятый как картина» [Хайдеггер, 1986: 103].

Иначе говоря, картина мира есть отражение окружающего мира в голове человека.

По мнению В.Г. Колшанского, картина мира, отображенная в сознании человека, есть вторичное существование объективного мира [Колшанский, 1990: 15]. Картина мира предстает как идеальное, концептуальное образование, обладающее двойственной природой: необъективированной – как элемент сознания, жизнедеятельности, и объективированной – в виде различных следов сознания и жизнедеятельности, в частности – в виде знаковых образований, текстов [Постовалова, 1987: 66]. При этом картина мира, понимаемая как «известная интегральная система», характеризуется упорядоченностью и объединенностью значений и представлений, ее формирующих [Кубрякова, 1986: 141]. Впоследствии картина мира стала определяться как «сетка координат», благодаря которой человек воспринимает окружающую его действительность и проецирует образ мира [Постовалова, 1988].

Картина мира выступает основополагающим понятием при изучении взаимоотношений человека с окружающей действительностью. Она рассматривается как компонент его мировидения [Человек в панораме веков, 2012], представляет собой результат общечеловеческого и индивидуального знания о мире. Общечеловеческая картина мира основывается на эмпирическом и теоретическом материале, устоявшихся философских представлениях и принятой системе знаний. Индивидуальная картина мира, в свою очередь, складывается в процессе освоения человеком знаний о мире, личного опыта, является результатом различных влияний.

В современной лингвистике представлены разные концепции картины мира, что позволяет глубже рассматривать вопрос о том, «как сложившаяся картина мира помогает человеку осуществлять разного рода когнитивные процессы, в какой мере она участвует в когнитивной деятельности и какое влияние она оказывает на мыслительную деятельность человека» [Кубрякова, 1999: 7].

Лингвистический интерес к картине мира обусловлен тем, что она как «отражательное» интеллектуальное и пограничное ему чувственное содержание сознания опосредована языком [Блох, 2007: 102]. Картина мира, отображенная в сознании человека, фиксируется и реализуется в особой материальной форме, которой выступает язык. Он представляет собой важнейший способ формирования и существования знаний о мире.

Однако стоит отметить, что «язык – отнюдь не простое зеркало мира, а потому фиксирует не только воспринятое, но и осмысленное, осознанное, интерпретированное человеком» [Драчёва, 1997: 95]. В языковом знаке закрепляются и реализуются результаты отражательной мыслительной деятельности индивида, но в формировании картины мира язык выступает не демиургом, а лишь формой выражения понятийного содержания, добытого человеком в процессе своей деятельности [Колшанский, 1990: 23]. Лишь те компоненты мира, которые способны характеризовать его в наиболее полном объеме, находят свое отражение в языке. Следовательно, в языке отпечатываются только значимые явления и феномены для индивида, для народа или для всего человечества. Таким образом, человек познает мир посредством мышления и закрепляет результат в своем сознании при помощи языка, и картина мира как бы подменяется моделью мира, существующей в языке, то есть языковой картиной мира.

Термин «языковая картина» (*Sprachliches Weltbild*) вводит исследователь немецкого языкознания Лео Вайсгербер [Вайсгербер, 2004: 151]. Учёный отмечает, что в каждом языке содержится особое мировоззрение. Другими словами, «языковое представление мира можно рассматривать как языковое мышление, поскольку, во-первых, представление мира – это его осмысление, и, во-вторых, рассматриваемое представление, или отражение носит языковой характер» [Почепцов, 1990: 112]. Данная картина обладает национально-культурной спецификой, так как формируется под влиянием исторических событий и этнопсихологических особенностей отдельных народов. Она задает нормы поведения индивида в социуме, влияет

на его взаимоотношения с миром и отображает определенный способ восприятия окружающего мира [Лазарев, 2014].

В рамках современной лингвистики под языковой картиной мира понимается представление о действительности, отражённое в языковых знаках, «языковое членение мира» [Апресян, 1995: 8], «особый способ мировидения» [Кронгауз, 2005: 85], который может быть выражен различными языковыми средствами. Она, иными словами, представляет собой некую совокупность знаний человека о мире, выраженных вербально.

Языковая картина мира, которая отражает в вербальных формах специфику индивидуального и общественного сознания, состоит из множества ментальных единиц – концептов [Кудинова, 2008]. По утверждению Р.И. Павилениса, язык вплетен в концептуальную систему и «служит для дальнейшего строения и символического представления ее содержания» [Павиленис, 1983: 3]. Следовательно, можно говорить о тесной связи языковой картины мира с концептуальной картиной мира.

По мнению Г.А. Брутяна, под концептуальной картиной мира подразумевается не только знание, явившееся продуктом мыслительного отражения действительности, но и «итог чувственного познания, в снятом виде содержащийся в логическом отображении» [Брутян, 1973: 108]. Это совокупность представлений и знаний человека о мире, спаянная в единое целое и дающая возможность человеку адекватно воспринимать окружающий мир и познавать его. Если мир включает в себя человека и среду в их взаимодействии, то картина мира представляет собой результат переработки информации о человеке и среде. Как следствие, можно говорить о том, что концептуальная картина мира зависит от культурного и физического опыта и имеет непосредственную связь с ним. Она отображает особенность человека и его бытия, взаимоотношения человека с миром, условия его существования. В процессе создания концептуальной картины мира задействованы различные типы мышления, включая и невербальные, здесь материализуются индивидуальный, групповой и национальный

вербальный и невербальный опыты, поэтому данная модель существенно шире языковой. Концептуальные картины мира у представителей разных исторических периодов, социальных и возрастных групп могут отличаться. Интересен тот факт, что у людей, которые говорят на разных языках, при определенных условиях могут быть близкие концептуальные картины, а у людей, которые говорят на одном языке, – разные [Там же].

Язык играет роль хранителя всех знаний и представлений: в его знаках в виде гносеологических образов закрепляются элементы действительности. Вместе с тем язык выступает в роли средства получения нового знания о мире: в единицах языка и их свойствах материализуется структура и динамика мысли. Языковая картина мира, как и любая другая картина мира, имеет собственное концептуальное содержание, поскольку в языке формируется своя понятийная (концептуальная) система, зависящая от физического и культурного опыта и непосредственно связанная с ним. Хотя в отличие от концептуальной картины мира, которая непрерывно меняется, «перерисовывается», в концептуальной «копилке» языковой картины мира данные могут храниться на протяжении долгого времени и вовсе не исправляться, даже если появятся концептуальные изменения и научно обоснованные, проверенные практикой положения [Маслова, 2001: 65]. Однако, несмотря на свою относительную устойчивость, языковая картина мира динамична и в ней могут происходить определенные изменения.

Специфика языковой картины мира заключается также в том, что она далека от всецелого отражения действительности: «Образ мира... функционирует на разных уровнях осознаваемости при обязательном сочетании «знания» и «переживания» и лишь в неполной мере поддается вербальному описанию. Языковая картина мира много беднее образа мира и отображает лишь его часть» [Залевская, 2001: 43]. Данная часть состоит из таких элементов концептуальной картины мира, которые получают свою фиксацию в значениях языковых единиц. За этими пределами сохраняется целый комплекс психологических и эмоциональных феноменов, которые не

обретают материальной формы с помощью языкового кода, но создают экстралингвистический фон, способный высветить особенности языковой картины мира. Иными словами, концептуальная картина мира богаче языковой, поскольку в ее образовании участвуют различные типы мышления.

Сопоставление концептуальной и языковой картин мира подтверждает их взаимообусловленность: в концептуальной картине мира содержится значительно больше данных, хотя получить доступ к содержанию данной картины мира возможно лишь посредством языка. Это во многом обусловлено тем, что «именно лексикон репрезентирует членение окружающей действительности и выделяет во внешнем и внутреннем мире индивидуума отдельные величины, поскольку все, что вербализовано, выделено человеческим разумом и вошло в фонд человеческих знаний» [Фесенко, 1999: 111].

Таким образом, картина мира представляет собой исходный глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека. Она репрезентирует сущностные свойства окружающей действительности в понимании ее носителей и является результатом всей их жизнедеятельности и духовной активности. Картина мира может быть закодирована средствами языковой семантики, складывающейся в свою собственную картину мира. Языковая картина мира является частью концептуального мира человека, которая неразрывно связана с языком и особым образом преломляется через языковые знаки. Она выражает познавательную деятельность различных групп людей в пределах единого объективного мира и зафиксирована средствами живых языков. Результаты познавательной деятельности получают свою репрезентацию в языке далеко не в полном объеме. За пределами языковой формы остаются как отдельные концепты, которые являются единицами концептуальной (ментальной) картины мира, так и определенные содержательные элементы концептов, получивших свою фиксацию в языке.

1.2. Концепт как единица картины мира

Человек постоянно изучает окружающий мир, накапливая знания, которые помогают ориентироваться в нем, и формируя собственную картину мира. В когнитивной деятельности, которую он осуществляет при познании мира, ключевую роль играет процесс концептуализации.

Процесс концептуализации направлен на выделение минимальных содержательных единиц человеческого опыта [Кубрякова и др., 1996: 93]. Он представляет собой осмысление полученной информации, мысленное конструирование предметов и явлений, в результате которого образуются определенные представления о мире в виде концептов [Болдырев, 2014: 37]. Концептами можно считать «универсалии», абстрактные понятия, являющиеся базовыми единицами картины мира [Исаев, 2020: 2].

Термин «концепт» вошел в научный обиход в середине XX века. В отечественной науке он впервые был использован в 1928 году в статье С.А. Аскольдова «Концепт и слово» [Аскольдов, 1997]. Под концептом автор подразумевал «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [Там же: 267]. Образно выражаясь, ученый говорил, что концепты являются почками сложнейших соцветий мысленных конкретностей [Там же].

В современной лингвистике существует множество дефиниций этого термина, но, несмотря на огромное количество определений, до сих пор не имеется его однозначного толкования. Многие исследователи высказывают различные точки зрения на сущность концепта.

Согласно классификации дефиниций, представленной С.А. Юлтимировой, в настоящее время выделяется три основных подхода к пониманию концепта:

- лингвистический,
- когнитивный,
- культурологический [Юлтимирова, 2007].

Лингвистический подход представлен в трудах С.А. Аскольдова, Д.С. Лихачева, В.Н. Телия. Сторонники данного подхода рассматривают концепт как весь потенциал значения слова вместе с его коннотативным элементом. По мнению Д.С. Лихачева, концепт существует для каждого лексического значения и воспринимается как алгебраическое выражение значения [Лихачев, 1993: 150].

Представители когнитивного подхода относят концепт к явлению ментального характера. Так, З.Д. Попова и И.А. Стернин полагают, что концепт представляет собой «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношением общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова, Стернин, 2007: 34]. По определению Е.С. Кубряковой, концепт является неким отдельным смыслом, некой идеей, существующей в сознании как оперативная единица мыслительных процессов, «причём единица, выступающая как гештальт как вполне самостоятельная и чётко выделяемая отдельная от других сущность» [Кубрякова, 2004: 316].

В рамках третьего подхода акцент делается на культурологическом аспекте. По мнению ученых, работающих в рамках этого подхода, культура является комплексом концептов и связей между ними, а под концептом они понимают центральную ячейку культуры в ментальном мире человека. Этому взгляду придерживаются Ю.С. Степанов и Г.Г. Слышкин. Они считают, что при анализе различных сторон концепта внимание должно быть уделено значимости передаваемой культурной информации. Ю.С. Степанов отмечает, что «в структуру концепта входит все то, что и делает его фактом культуры – исходная форма, сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки и т. д.» [Степанов, 1997: 43].

По утверждению И. Канта, для формирования любого концепта необходимым условием являются три логические операции: сравнение, обдумывание и абстракция [Кант, 1994: 314]. Разные способы формирования концептов в сознании человека были представлены Н.Н. Болдыревым [Болдырев, 2014: 40]. К основным относятся:

- чувственный опыт (продукт перцепции окружающего мира при помощи органов чувств);
- предметно-практическая деятельность человека (продукт осуществления действий и операций с различными предметами);
- экспериментально-познавательная и теоретико-познавательная деятельность (продукт научных экспериментов, математических решений, получения знаний о мире благодаря учебникам или специальной литературе);
- мыслительная деятельность (продукт рассуждений, умозаключений, выводов на основе мыслительных операций с привычными концептами);
- вербальная и невербальная коммуникация (продукт передачи, разъяснения содержания какого-либо концепта при помощи языковых средств или других средств коммуникации: жестов, условных знаков и т.д.) [Там же].

Наиболее полноценное знание может быть сформировано в результате комбинации разных способов: и чувственного созерцания, и предметной деятельности, и обучения, и осмысления, и языкового общения [Там же]. Благодаря этому может сложиться содержание концепта, которое включает сведения об объектах и их свойствах, о том, что человек знает, думает, предполагает, воображает об объектах мира [Павилёнис, 1983].

Содержание концепта обнаруживает определенную, хотя и нежесткую структуру. По рассуждениям Ю.С. Степанова, структура концепта включает в себя такие компоненты, как:

1. основной, актуальный признак концепта (значим и «известен» всем носителям той или иной лингвокультуры, выражается вербально и является

средством коммуникации представителей определенной этнической общности);

2. дополнительный, пассивный признак концепта (актуален не для всей этнической общности и доступен для представителей определенного микросоциума);

3. этимологический признак или внутренняя форма (наименее актуален для основной массы этнической общности, так как историей жизни слова в основном занимается узкий круг специалистов, представители конкретных научных областей) [Степанов, 1997: 40-43].

Количество компонентов, выделяемых лингвистами в содержании концепта, и их обозначение может варьироваться.

Так, по мнению В.И. Карасика, концепт состоит из таких трех компонентов, как понятийный, образный и ценностный [Карасик, 2001: 3-16]. Образный компонент ученый понимает как «след чувственного представления в памяти в единстве с метафорическими переносами» [Карасик, 2005: 27]. Понятийная составляющая представляет собой совокупность значимых признаков объекта или ситуации и итог их познания. С лингвокультурологической точки зрения, ценностная составляющая является ключевой на том основании, что она имеет культурную значимость [Карасик, 2002].

Содержание концепта может быть также представлено в формате поля, в структуре которого выделяются такие зоны, как ядерная, приядерная и периферийная. Принадлежность к какой-либо зоне устанавливается степенью «яркости», чувственной конкретности, наглядности признака для носителей языка. Принято считать, что более абстрактные признаки, которые возникли исходя из конкретных, предметных признаков располагаются на периферии. К данной зоне причисляют разнообразные культурно-обусловленные, ассоциативные, оценочные элементы [Кузьмина, 2011: 25-27]. Взаимосвязь этих признаков носит индивидуальный характер, поскольку зависит от условий формирования концепта у каждого отдельного индивида.

Содержание концепта регулярно наполняется за счет новых характеристик, что способствует увеличению его объема. В этом заключается специфика самого человеческого знания, которое непрерывно преобразовывается, фиксируя новые сведения об окружающем мире и все перемены в нем. Индивидуальное знание при этом может как увеличиваться, так и уменьшаться в результате утраты из памяти отдельных характеристик.

Таким образом, под концептуализацией подразумевается познавательный процесс выделения и осмысления объектов, событий, их связей и характеристик, и закрепления результатов познания в виде единиц знания – концептов. Они выделяются с целью последующей передачи их в языковой форме или дальнейшего накопления знаний о мире. Разные подходы к определению термина «концепт» показывают его двустороннюю природу: как значения языкового знака (лингвистическое и культурологическое направления) и как содержательной стороны знака, представленной в ментальности (когнитивное направление). Сам концепт имеет сложную структуру, содержание которой лишь частично может быть выявлено через средства его репрезентации в языке. При всей вариативности в определении его структуры прослеживается постоянство ряда компонентов: представители разных лингвистических направлений уделяют особое внимание образной и понятийной составляющим содержания концепта и дополнительной ассоциативно-оценочной составляющей.

1.3. Языковая актуализация концепта

Современный человек не представляет окружающий мир вне языка. Язык является центром всей когнитивной деятельности, и именно через языковую сетку пропускаются знания, полученные в результате разных видов деятельности. Опираясь этими знаниями, человек материализует их в языке как наиболее удобной для этого системе.

Единственный надежный доступ к нашему сознанию обеспечивает только язык [Болдырев, 2014]. По этой причине основная часть концептов закрепляется в языковом коде значениями конкретных слов, вследствие чего становится возможным хранение самых важных структур знания и их передача от одного человека к другому. По утверждению Е.С. Кубряковой, в языке обозначается то, что остановило внимание человека, что осмыслялось и интерпретировалось при взаимодействии людей или же в актах познания ими мира [Кубрякова, 2004].

Невербализованные знания выступают как неявные, неосознаваемые, смутные [Бардина, 1997: 52]. Появление специального языкового обозначения для сложившейся или складывающейся в голове человека системы знания позволяет превратить нечто диффузное и до определенного момента неопределенное в нечто, характеризующееся явными границами и выделенное в отдельную сущность [Кубрякова, 2004: 306].

Соответственно, именно языковой код является одним из основных инструментов познания и концептуализации окружающего мира. С одной стороны, большая доля информации о мире поступает к человеку с помощью языка. С другой стороны, язык помогает синтезировать всю информацию, поступающую в результате восприятия мира органами чувств, предметной деятельности или когнитивных операций. Иначе говоря, язык обеспечивает доступ ко всем концептам, независимо от того, каким способом они сформированы.

Сам язык остается лишь одним из возможных способов формирования концептов в сознании человека. Концепт по своей природе является невербальным образованием, и его формирование и существование не требует языка [Охолина, Курьянович, 2021: 19]. Язык необходим для передачи и активизации концептов в процессе коммуникации. Для этого требуется выразить концепты средствами языкового кода, назвать их.

В языке концепт может быть выражен отдельными словами и словосочетаниями, фразеологическими единицами, предложениями и

цельными текстами. Для передачи конкретного концепта, связанного с устойчивым чувственным образом, достаточно значения отдельного слова, которое активизирует данный образ [Болдырев, 2014]. По мере усложнения выражаемых смыслов может возникать необходимость активизации дополнительных концептов и даже целых концептуальных полей и сфер. В многообразии и разноплановости языковых средств проявляется неоднородность структуры и содержания концептов.

Специфика реализации концептуальных систем в языке заключается в том, что одно и то же содержание может быть передано в языке альтернативными средствами. Чем значимее определенный концепт для человеческого мышления, тем более сложной системой языковых средств и языковых форм он может быть выражен. У данной особенности языка также прослеживается другая важная сторона: язык как бы накладывает некоторые объективные ограничения на возможности выбора. По образному выражению Л. Витгенштейна, «границы моего языка означают границы моего мира» [Витгенштейн, 1958: 80].

Еще одна отличительная черта языка заключается в том, что он играет ведущую роль в структурировании сознания. Это проявляется в структурировании мира и знаний о мире и в интерпретации полученных знаний.

В качестве отдельных уровней языковой концептуализации и категоризации выделены три типа языкового знания:

1. знание о мире;
2. знание о языке;
3. знание об интерпретации мира человеком [Болдырев, 2014].

Знание о мире репрезентировано на лексическом уровне языка с помощью слов, словосочетаний и фразеологизмов. Оно включает знание абстрактных понятий и конкретных объективно существующих предметов, явлений, их характеристик и функций. Стоит подчеркнуть, что на лексическом уровне фиксируются только те сущности и их признаки,

которые выделены в качестве наиболее значимых, и на которых субъект познания сосредотачивает свою целенаправленную деятельность [Кубрякова, 1997].

Знание о языке зафиксировано на грамматическом уровне языка в виде категорий частей речи, морфологических и синтаксических категорий. Данный уровень репрезентирует самые важные, центральные для человеческой психики концепты. В грамматических категориях каждый язык отражает те характеристики окружающего мира, которые представляются человеку наиболее регулярными и менее подверженными влиянию тех или иных факторов [Болдырев, 2007].

Знание об интерпретации мира человеком выражено на уровне модусных категорий языка (категория отрицания, категория оценки, категория аппроксимации и др.). Этот уровень отражает онтологию человеческого сознания, ориентирующегося на систему индивидуального мировоззрения, опыт, знания, систему оценок [Там же].

Данные типы языкового знания и структура языкового сознания обусловлены когнитивной и коммуникативной потребностью, а также определенной языковой функцией:

1. Когнитивная функция (репрезентирована в лексических категориях и служит для хранения, передачи знаний, а также названия, номинации);
2. Коммуникативная функция (выражена в грамматических категориях и необходима для построения высказываний и выражения мыслей);
3. Интерпретирующая функция (индивид постоянно интерпретирует поступающую информацию, поэтому все знания в человеческом сознании уже интерпретированные. Эта функция отражена в таких модусных категориях, как аппроксимация, отрицание, оценка и т.д.) [Болдырев, 2011].

Коммуникативная (передача сообщения и общение) и когнитивная (выражение деятельности сознания) функции взаимно определяют друг друга. Они не могут осуществляться одна без другой, поскольку связаны с процессом интерпретации содержания мышления о мире для того, чтобы

результат данного процесса (знание о мире) мог использоваться для целей вербальной коммуникации между людьми [Колесов, 2020: 68]. Языковые знаки, языковые выражения имеют смысл только лишь в определенных условиях, в концептуальных системах, в когнитивных и коммуникативных контекстах.

Значимость языка обнаруживается также в выделении и объективации единиц знания в процессе концептуализации. Концептуализация фиксируется на всех языковых уровнях. В когнитивной лингвистике выделяют лексический и грамматический уровни концептуализации.

Лексическая, или конкретно-предметная концептуализация предполагает структуризацию и систематизацию мира и особенностей его устройства в сознании индивида [Магировская, 2008]. Предметы реального мира, процессы, явления, их свойства и функции, а также абстрактные понятия получают свою номинацию, после чего группируются в звенья высшего порядка согласно общим выделяющимся признакам. Одной из ключевых характеристик лексической концептуализации является ее избирательность. Это обусловлено тем, что только наиболее важные для человека концепты, формирующие ядро его деятельности, фиксируются в языке [Там же].

Грамматическая концептуализация, в свою очередь, является процессом исключительно языковым, более глубинным и всеобъемлющим. Концепты, зафиксированные грамматическими конструкциями языка, характеризуются высокой степенью абстрактности, способностью отражать отношения между объектами реального мира, а также внутренние концептуальные связи [Там же].

По мнению Л. Талми, две главные подсистемы языка (лексика и грамматика) служат для структурирования концептуального содержания. Лексика обеспечивает передачу самого этого содержания, а грамматика – организацию каркаса тех форм, в которые выливается это содержание

[Talmy, 1988]. Концепты самого высокого уровня – самые обобщенные и абстрактные – обычно выражаются в языках мира в грамматике.

Все языковые подсистемы и средства в своей совокупности дают лишь общее представление о содержании концепта в сознании носителей конкретного языка. Они отражают всегда лишь часть концепта, поскольку ни один концепт не может быть выражен в речи в полном объеме. Данный факт связан с тем, что познание индивидуально так же, как и формирование самого концепта. Индивидуальны и средства репрезентации концепта в речевой деятельности [Болдырев, 2001: 35].

Таким образом, язык характеризуется потенциалом обеспечивать доступ ко всем концептам, сформированным в сознании человека. Он способствует передаче и обмену данными с другими людьми, а также обобщению всех данных, получаемых в результате познавательной деятельности. Концепты находят свою репрезентацию в языковом коде на лексическом и грамматическом уровнях и актуализируются с помощью него, но не могут быть полностью выражены им. Этим обусловлено наличие множества языковых средств, которые помогают как можно точнее раскрыть содержание одного отдельного концепта или группы концептов.

1.4. Специфика формирования сложного концептуального знания

Результаты процесса концептуализации на разных языковых уровнях могут быть включены в концептосферу. По определению Д.С. Лихачева, концептосфера является совокупностью концептов народа, которая образована всеми потенциями концептов носителей языка [Лихачев, 1993]. Она носит достаточно упорядоченный характер и концепты, которые составляют элементы концептосферы, по отдельным своим признакам находятся в системных отношениях сходства, различия и иерархии с другими концептами [Попова, 2015].

В современной лингвистической науке понятие «концептосфера» терминологически закрепляет «объемное» видение многих языковых явлений. Большинство ученых определяют концептосферу как упорядоченную совокупность концептов, существующих в виде обобщенных представлений, понятий, мыслительных картинок, схем, гештальтов, фреймов, сценариев, обобщающих разнообразные признаки внешнего мира [Попова, 2003: 19], как информационную базу мышления, своеобразное вместилище концептоединиц отдельных языковых социумов [Попова, Стернин, 2007: 176], как объективно существующую совокупность вербально обозначенных и вербально необозначенных национально маркированных единиц лингвокультуры, в которой можно выделить характерные принципы системности, множественности, целостности, связи и структурированности [Приходько, 2013: 172].

Концептосфера включает в себя следующие виды в соответствии с рассматриваемым аспектом:

– эстетический аспект, который выступает фундаментом создания художественной концептосферы, в которую входит концептосфера конкретного автора, произведения, художественного направления;

– онтологический аспект, который находит свою реализацию в национальной концептосфере, представляющей собой упорядоченную совокупность концептов в сознании носителей языка и показатель культуры народа, его материальных и духовных ценностей;

– гносеологический аспект, который выражается в концептосфере языка, определяемой как объединение концептов, находящее отражение в семантической структуре языка;

– лингвосоциопсихологический аспект, который рассматривает концептосферу отдельной личности, в сознании которой национальная концептосфера субъективно преломляется в зависимости от уровня интеллектуального развития, ценностных ориентиров, степени образования и социального статуса;

– разграничение групповых концептосфер возможно и в социальном аспекте: политическая концептосфера, профессиональная, гендерная и др. [Убийко, 2004: 37].

В рамках исследования концептосферы широкое распространение получило концептуальное поле, которое является подсистемой концептосферы. Входя в концептуальное поле, концепт включается в концептосферу. Определяя концептосферу как множество маркированных ментальных единиц лингвокультуры, концептуальное поле можно также охарактеризовать как сегмент концептосферы, отвечающий за организацию определенного когнитивно-семантического пространства [Кадачиева, 2015].

Термин «поле» трактуется как «совокупность языковых единиц, объединённых содержанием и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [Кобозева, 2000: 99], «способ существования и группировки лингвистических элементов, обладающих общими свойствами» [Щур, 1974: 73].

Структура концептуального поля формируется благодаря таким важным признакам, как:

- мотивирующие признаки слова, которые непосредственно связаны с историей слова и жизнью его в языке;
- образные признаки, которые актуализируются через сочетаемость;
- понятийные признаки, создающие семантическое поле;
- ценностные признаки, которые скрыто или явно отражают ментальные характеристики этноса;
- функциональные и символические признаки, раскрывающие сакральный характер того или иного концепта [Пименова, 2008: 294–295].

Среди разных типов полей можно выделить семантическое поле, или лексико-семантическое поле, которое понимается как совокупность языковых единиц, объединённых общностью значения и отражающих предметное, понятийное или функциональное сходство обозначаемых явлений [Ipsen, 1924]. Семантическое поле характеризуется наличием

семантических отношений между составляющими его словами, системным характером отношений, взаимозависимостью лексических единиц, относительной автономностью, а также непрерывностью обозначения его смыслового пространства [Кобозева, 2000].

Такое поле включает в себя лексико-семантические группы, или тематические группы, в целом отражает знание языка, слов и их значений. Кроме того, семантическое поле может выступать основной единицей классификации для других видов полей и основным средством репрезентации концепта в целом.

Анализ содержания концепта через данные языка даёт достаточно богатый и достоверный материал для описания концептов [Карасик, Стернин, 2005] как способа познания мира, который осуществляется с помощью языка. Основной единицей при таком анализе соответственно выступает определенный концепт, точнее его вербализованная часть, представленная ключевым словом.

Таким образом, концептосфера представляет собой совокупность концептов, которые национально маркированы. Концептуальное поле как часть концептосферы имеет сложную структуру и включает в свой состав элементы, обладающие общими свойствами и значением и связанные системными отношениями. Такое поле способно передать ментальные характеристики народа, а также выявить природу концептов с новых сторон. Семантическое поле является главным средством репрезентации концепта и состоит из лингвистических единиц живых языков, анализ которых может помочь раскрыть содержание концепта.

1.5. Жестовый язык как особая семиотическая система кодирования знаний о мире

1.5.1. История становления и изучения жестовых языков

С древних времен коммуникация является неотъемлемой частью жизни человеческого сообщества и осуществляется с помощью различных средств. На сегодняшний день самым распространенным каналом коммуникации выступают вербальные (лат. *verbalis* – словесный) языки, которые появились около 30–50 тыс. лет назад [Зайцева, 2000: 11]. Однако, наряду со звучащими языками люди издавна пользуются жестами для передачи информации.

По мнению некоторых ученых, визуальный канал общения предшествовал вербальному и применялся задолго до того, как человечество обрело способность говорить [Stokoe, 2001]. Данная гипотеза частично основана на доказательствах того, что коммуникация между людьми существовала до эволюционирования голосового аппарата человека в такую форму, которая позволила бы артикулировать речь [Laitman, 1982].

Жестовым языком пользовались, по крайней мере, с IV века до нашей эры. Об этом свидетельствует высказывание Сократа в «Кратиле» Платона: «Ответь мне вот что: если бы у нас не было ни голоса, ни языка, а мы захотели бы объяснить другим окружающие предметы, не стали бы мы разве обозначать все с помощью рук, головы и вообще всего тела, как делают это немые?» [Платон, 1990].

Еще более раннее упоминание жестового языка встречается на греческой вазе V века до нашей эры. На ней изображена дочь царя Афин Филомела, которая использует жесты, так как ее язык был отрезан царем Фракии Тереем [Ruben, 2005]. Другим свидетельством применения визуальной коммуникации является римский жетон тессера, на котором с помощью жестов отображены цифры, указывающие на ряд и место зрителя в театре [Там же].

Самое раннее известное описание ручной азбуки принадлежит Достопочтенному Беде (V-VI вв.), который изложил систему визуальной коммуникации, использовавшуюся религиозными общинами, давшими обет молчания [Montgomery, 1998]. В монастырской среде жесты применялись широко, особенно в бенедиктинских общинах. Считается, что распространение и поддержание этой формы общения легло в основу обучения глухих жестовой речи в XVI веке.

В это время впервые начинается применение жестов в учебной программе для глухих, когда в бенедиктинском монастыре Сан-Сальвадор монах Педро Понсе де Леон взял на себя воспитание двух глухих братьев. Сам монах владел более 360 различными жестами, используемыми для общения в периоды молчания [Barakat, 1987]. Эти жесты были необходимы для описания повседневной жизни, например, «...посуды для еды, предметов, используемых в мессе, одежды, пищи и инструментов», а также «душевного состояния, сановников монастыря...» [Plann, 1997: 21].

Его метод обучения включал в себя использование письменного слова, ручного алфавита и бенедиктинских жестов наряду с теми жестами, которые дети придумали в процессе общения между собой еще до прибытия в монастырь [Ruben, 2005]. Подобное образование было успешным, о чем свидетельствовали способности обоих мальчиков говорить, читать и писать на испанском, греческом и латинском языках. В дальнейшем де Леон обучал также других глухих детей испанской знати, документируя свой метод в рукописи под названием «*Doctrina Para los Mudos Sordo*» [Leon, 1578]. Известно, что рукопись просуществовала до 1821 года, после чего она и ее копии были утеряны или уничтожены [Eguiluz Angoitia, 1986].

В течение последующих столетий встречаются редкие упоминания использования невербальной ручной коммуникации глухими. Это объясняется тем, что на протяжении многих веков жестовый язык считался примитивной формой коммуникации. Из-за подобной точки зрения даже обучение глухих людей сводилось к обучению устной речи как наивысшему

достижению человеческой цивилизации [Камнева, 2016], а изучение жестового языка не представляло научного интереса.

Только фундаментальные исследования национальных жестовых языков, сделанные в 70-е гг. XX века У. Стоуки и М. Бреннон, доказали, что жестовые языки являются сложными и богатыми лингвистическими системами со своей особой фонетикой, лексикой и грамматикой [Stokoe, 1960; Brennan, 1990]. Было установлено, что жестовый язык отнюдь не примитивный, как многие полагали ранее, а полноценный естественный язык.

В России первые попытки исследования жестового языка были предприняты В.И. Флэри в середине XIX века [Флери, 1847]. В настоящее время вклад этого ученого в изучение русского жестового языка хорошо известен, так как его работы оказали большое влияние на последующих исследователей. Главным трудом В.И. Флэри стала книга под названием «Глухонемые, рассматриваемые в отношении к их состоянию и к способам образования, самым свойственным их природе» [Флери, 1835]. В ней он впервые анализирует общение глухих с помощью жестов и впоследствии выделяет разновидности жестовой речи.

Согласно В.И. Флэри, в коллективе глухих людей складывается особая жестовая система, обладающая уникальными закономерностями. В этой системе «... существует великое разнообразие оттенков и чрезвычайно тонких изменений, коих на бумаге выразить невозможно» [Там же: 71]. Автор также создаёт первое лексическое и лексикографическое описание русского жестового языка и включает в книгу первый словарь русского жестового языка. Ряд жестов, описанных ученым, не изменились или мало изменились и до сих пор остаются актуальными.

Известный отечественный психолог и дефектолог Л.С. Выготский также занимался изучением вопроса жестового языка. В начале своих исследований он полагает, что жестовое общение несколько ограничено и не доходит до «абстрактных понятий», но к началу 30-х годов приходит к

выводу, что жестовый язык представляет собой язык «очень богато развитый», в котором «есть подлинная речь во всем богатстве её функционального значения» [Выготский, 1991: 215]. По мнению Л.С. Выготского, это не только средство межличностного общения глухих, но и «средство внутреннего мышления самого ребёнка» [Там же].

Не менее выдающимся исследователем жестового языка был И.Ф. Гейльман, основавший Ленинградский восстановительный центр для лиц с нарушениями слуха. В созданном центре проводилась уникальная подготовка сурдопереводчиков, которая наложила определённый отпечаток на распространение и развитие жестового языка в странах постсоветского пространства. Исследователь положил начало изданию бесценных словарей жестового языка для своего времени (например, 4-томный жестовый словарь И.Ф. Гейльмана «Специфические средства общения глухих», содержащий около 3 тыс. словарных статей, т. е. описаний способов передачи значений русских слов). Кроме того, исследователь является автором ряда ценных библиографических изданий («Ручная азбука и речевые жесты глухонемых» [Гейльман, 1957], «Изучаем жестуно» [Гейльман, 1980], «Знакомьтесь: ручная речь» [Гейльман, 2001] и т. д.).

После В.И. Флёри, Л.С. Выготского, И.Ф. Гейльмана и др. изучением русского жестового языка занималась Г.Л. Зайцева. В 1992 году по её инициативе была открыта Московская билингвистическая гимназия для глухих детей, в которой впервые русский жестовый язык использовался для обучения детей.

Благодаря усилиям вышеперечисленных ученых на сегодняшний день русский жестовый язык рассматривается как естественный язык, который используется для коммуникации с людьми с нарушениями слуха, проживающими на территории Российской Федерации и, частично, на территории ряда стран – бывших республик Советского Союза [Беликов, 1983; Bickford, 2005].

На современном этапе развития отечественной лингвистической науки глубоким исследованием жестовых языков и русского жестового языка, в частности, занимаются специалисты из Новосибирского государственного технического университета, которые опубликовали первый учебник по систематическому изложению основ лингвистики русского жестового языка в 2019 году [Введение в лингвистику жестовых языков, 2019]. Кроме того, на материале русского жестового языка в последние годы сформировано несколько корпусов и видеословарей, большинство из которых, посвящено вариантам жестового языка Москвы и Санкт-Петербурга [Жестовые языки, 2022]. Однако, на базе Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета идет активная разработка мультимодального электронного корпуса региональных вариантов русского жестового языка, который включает коллекцию жестов, записанных в рамках реализации проекта «Региональные жестовые языки: мультимодальный электронный корпус (на материале коммуникативного пространства Восточной Сибири)». Данный проект способствует лингвистическому документированию и первичному национальному норматированию русского жестового языка, а также реализации государственной политики по созданию комфортной коммуникативной среды для особой социальной группы (инклюзивные процессы).

Таким образом, несмотря на долгий исторический путь и многовековое пренебрежение со стороны общества визуальным каналом общения при помощи жестов, проведенные исследования систем общения глухих показали, что жестовые языки представляют собой особую полноценную семиотическую систему, отличающуюся от звучащего языка как любой иностранный язык. Жестовые языки принадлежат к категории полноценных и самостоятельных языков, и, по утверждению А.Б. Соломоника, «...на них распространяются все или большинство закономерностей языковых систем, а также весь их аппарат (слово, грамматика, морфология, флексии т. д.) и

приёмы работы с этим аппаратом» [Соломоник, 2002: 215]. Они имеют уровневую структуру, как и любой другой (звучащий) язык.

1.5.2. Уровневая структура жестовых языков

В середине XX века один из выдающихся лингвистов, Уильям Стоуки, внес неоценимый вклад в изучение жестовых языков, доказав, что они имеют уровневую структуру, как и звучащие языки [Stokoe, 1960].

Уровни представляют собой подсистемы языка, каждая из которых представлена совокупностью относительно однородных единиц и набором правил, которым подчинены использование этих единиц и их группировка в различные классы и подклассы [ЛЭС, 1989]. В жестовых языках к основным уровням относятся фонетический, морфологический, лексический и синтаксический.

Единицы каждого уровня обладают качественным своеобразием, отличающим их от единиц других уровней. Мельчайшие единицы языка, фонемы, являются строительным материалом для единиц последующих уровней, таких как морфемы и слова. Они не обладают значением, но необходимы для отождествления и различения значимых единиц, морфем и слов [Панов, 1979].

Морфемы, в свою очередь, отличаются от фонем тем, что являются минимальными единицами языка и имеют значение. В отличие от единиц следующего уровня, лексем (слов), морфема не обладает самостоятельностью. Она не способна к синтаксическому употреблению и связана жестким отношением с другими морфемами в слове. Еще одно отличие от слова заключается в том, что морфема может не иметь фонетической оформленности (т.е. может быть нулевой, не иметь звукового выражения) [Буркова, 2019]. Морфема также отличается от слова по функции: она лишь выражает значение, в то время как слово может называть понятие.

Единицы синтаксического уровня, предложения, тоже отличаются от единиц предыдущего уровня – слов – своей функцией. Они являются единицами коммуникативными, служащими для выражения мыслей, передачи информации.

Таким образом, в структуре жестовых языков выделяются все уровни, формирующие языковые знаковые системы: фонетический, морфологический, лексический и синтаксический. Каждый уровень представлен своей единицей, которая вступает с единицами других уровней в синтагматические отношения, т. е. отношения, объединяющие единицы в их линейной последовательности, и парадигматические отношения, т.е. отношения взаимной противопоставленности. Эти отношения могут быть только иерархическими, т. е. менее сложные единицы входят в состав более сложных.

1.5.2.1. Фонетический уровень жестового языка

На фонетическом уровне любого вербального языка выделяется такая минимальная единица, как фонема, которая выполняет две важные функции: перцептивную и смысловозначительную [Реформаторский, 1996]. Несмотря на название данной единицы, которое образовалось от греческого слова *phone*, что означает звук, этот термин также применяется по отношению к жестовым языкам. В жестовых языках нет звуков, однако, следует учитывать тот факт, что в центре внимания фонологии находятся не сами звуки как физическая данность, а та функция, которую они выполняют в системе языка. Поэтому, когда речь идет о фонологии жестовых языков, предполагается именно функциональная сторона мельчайших строительных единиц этих языков [Буркова, 2019: 119].

В качестве таких мельчайших строительных единиц в жестовых языках выступают параметры жеста, которые играют роль, сходную с ролью фонем в звучащих языках. К таким параметрам относятся конфигурация руки,

локализация, движение [Stokoe, 1960], ориентация [Battison, 1978], а также немануальные маркеры (движения корпуса тела и лица) [Sutton-Spence, Woll 2007; Valli, Lucas 2000]. Главное отличие параметров жеста от фонем звучащих языков заключается в том, что они реализуются одновременно, а не последовательно.

Конфигурацией называют форму кисти руки при исполнении жеста. Она является одним из самых сложно устроенных параметров жеста. Форма руки включает два достаточно независимых друг от друга признака: выбор пальцев (*finger selection*) и позицию пальцев (*finger position*) [Sandler, Lillo-Martin 2006: 145]. Выбранными пальцами считаются те, которые составляют особую конфигурацию руки и находятся в одной позиции. Существуют четыре позиции пальцев:

1. открытая (пальцы выпрямлены);
2. закрытая (пальцы собраны в кулак);
3. согнутая (пальцы согнуты под углом 90 градусов);
4. изогнутая (пальцы полусогнуты) [Филимонова, 2016].

Локализация жеста также имеет два признака: место исполнения жеста (*place of articulation*) и сеттинг (*setting*). Местом исполнения жеста считается несколько крупная область жестового пространства, в которой может реализовываться жест (например, голова). Сеттинг конкретизирует местоположение жеста внутри этой крупной области жестового пространства. Так, в пределах места исполнения, обозначаемого как «голова», можно выделить такие локализации, как «лоб», «подбородок», «нос» [Sandler, Lillo-Martin 2006: 175].

В зависимости от локализации жесты можно разделить на два типа: контактные (*body-anchored signs*) и бесконтактные (*non-body anchored signs*). Под контактными понимаются жесты, во время реализации которых рука касается какой-либо части тела, а также все жесты, которые имеют жесткую привязку к определенной области на теле говорящего. Бесконтактные жесты,

в свою очередь, исполняются в нейтральном жестовом пространстве и могут смещаться в пределах этого пространства [Буркова, 2019].

Ориентация как фонетический параметр определяет положение кистей рук относительно корпуса тела говорящего (ладонью/тыльной стороной/ребром к говорящему) или по отношению друг к другу (зеркальная ориентация). Некоторые лингвисты признают ориентацию самостоятельным параметром жеста [Battinson, 1978], другие рассматривают ее как подкатегорию конфигурации, так как при ассимиляции выбранных пальцев в сложном слове ориентация ассимилируется тоже [Sandler, Lillo-Martin 2006: 156].

Движение как параметр жеста обладает характеристикой неоднородности. Выделяются несколько видов движения:

- первичные;
- вторичные;
- переходные.

К первичным относятся траекторное (перемещение руки от одной локализации к другой) и локальное (изменение конфигурации или ориентации руки) движения.

К вторичным принадлежит внутренний повтор (повтор движения, входящий в словарную форму жеста) и колебание пальцев (тоже входящее в словарную форму жеста).

Под переходным движением следует понимать перемещение от конечной конфигурации жеста к начальной конфигурации следующего жеста [Sandler, Lillo-Martin 2006: 197–199].

Немануальные маркеры представляют собой значимые для передачи информации движения корпуса, головы и лица говорящего. В жестовых языках они могут являться обязательным фонетическим компонентом жеста [Pfau, Quer 2010] и выполнять смыслоразличительную функцию. Например, жесты СТРАХ и СТРАХОВКА имеют одинаковое мануальное исполнение,

различаясь лишь с помощью немануальных маркеров (для жеста СТРАХ характерны поднятые брови и широко раскрытые глаза) [Филимонова, 2016].

В жестовых языках набор фонологически существенных параметров, из которых могут состоять жесты, ограничен точно так же, как и набор фонем в звучащих языках. Фонологическая значимость реализации параметра жеста определяется с помощью нахождения минимальных пар – жестов, совпадающих по всем параметрам, кроме одного. Типологические исследования жестовых языков показывают, что наибольшие фонологические различия в жестовых языках обнаруживаются в наборах фонологически существенных параметров, а фонологические процессы в разных жестовых языках сходны [Sandler, Lillo-Martin 2006: 148].

Таким образом, жестовый язык на фонетическом уровне имеет сходства со звучащими языками, так как в нем имеются параметры жеста, которые являются аналогами фонем. Отличия при этом обусловлены использованием рук для производства жестовой речи – одновременная реализация фонем в речи и разные по своим фонологическим характеристикам типы жестов.

1.5.2.2. Морфологический уровень жестового языка

Объектом морфологии являются минимальные двусторонние (обладающие как формой, так и значением) единицы языка. Морфология изучает как средства, с помощью которых выражаются значения, так и сами выражаемые значения [Плунгян, 2003]. На морфологическом уровне звучащих языков морфема является минимальной значимой частью слова. Для выявления морфемы необходимо разделить слово на элементы, обладающие значением, и сопоставить с другими словами, где те же самые элементы используются в той же функции.

В жестовых языках также возможно выделение морфемы. В отличие от звучащих языков, заметно отличающихся друг от друга в области

морфологии, жестовые языки используют сходный набор морфологических средств: для них наиболее продуктивными являются такие способы словообразования и словоизменения, как редупликация, изменение параметра жеста, инкорпорация числительных, словосложение. Аффиксация, широко распространенная в звучащих языках, в жестовых почти не используется [Буркова, 2019].

Редупликация как продуктивное морфологическое средство отмечается в большинстве жестовых языков. Она представляет собой повтор жеста, который влияет и изменяет его значение. Например, жест ПРИЙТИ при редупликации приобретает значение «ходить». Однако, стоит отличать редупликацию от других видов повтора жеста (например, жесты ПЛАКАТЬ, БЕЖАТЬ имеют повтор в исходной форме жеста) [Филимонова, 2016].

В статье С.И. Бурковой и Е.В. Филимоновой, посвященной редупликации в русском жестовом языке, выделяются три структурных типа редупликации:

1. простая редупликация (жест повторяется с тем же количеством рук, на том же месте);
2. двуручная редупликация (редуплицированный сегмент выполняется второй рукой, то есть добавляется второй артикулятор);
3. немануальная редупликация (значимый повтор движений корпуса тела или головы) [Буркова, Филимонова, 2014].

Кроме того, перечисленные типы редупликации могут сочетаться с модификациями жеста. Например, при простой редупликации рука может менять локализацию при каждом повторе.

В качестве особого структурного типа редупликации, у которого отсутствуют аналоги в звучащих языках, исследователи рассматривают удвоение артикулятора, т. е. исполнение исходно одноручного жеста двумя руками с симметричными конфигурацией, локализацией, ориентацией и движениями [Bergman, Dahl, 1994; Börstell, 2011; Meir, 2012]. При этом руки

могут двигаться синхронно или поочередно. В процессе редупликации в жестовых языках могут также участвовать немануальные средства.

Модификация жеста характеризуется значимым изменением параметра жеста. В звучащих языках нет точного аналога данного морфологического процесса, хотя лингвисты предпринимают попытки объяснить его с точки зрения существующих моделей морфологии [Филимонова, 2016].

Одной из важнейших модификаций глагольного жеста является изменение направления движения при субъектно-объектном согласовании. Так, если при исполнении жеста ПОДАРИТЬ руки двигаются от говорящего к собеседнику, это описывает ситуацию «я подарил ему», а если наоборот, от собеседника к говорящему, то «он подарил мне». Такое же значение может передаваться изменением ориентации ладони. Например, при реализации жеста РАССКАЗЫВАТЬ ладони, обращенные к собеседнику, указывают на ситуацию «я рассказываю ему», а ладони, обращенные к говорящему, — «он рассказывает мне». Такие глагольные жесты называются согласующимися [Там же].

Словосложение является очень продуктивным способом, с помощью которого можно образовать новый жест из двух других жестов. При данном процессе исходные жесты могут менять локализацию или редуцироваться. Например, в русском жестовом языке с помощью словосложения создан жест со значением «портрет» (ЛИЦО+КАРТИНА) [Буркова, 2019].

Первое исследование словосложения, которое было проведено на материале американского жестового языка, указало на наличие сходства между данным процессом и одноименным процессом в звучащих языках. У жестов, входящих в состав составной жестовой единицы, наблюдаются формальные и семантические изменения, которые свидетельствуют о том, что получившаяся комбинация лексикализована и представляет собой единое слово, а не словосочетание. К данным изменениям относятся:

- редукция;
- ассимиляция по определенному параметру;

–идиоматизация как невыводимость значения композита из суммы значений составляющих [Klima, Bellugi 1979: 198].

Однако, словосложение в жестовых языках имеет также свои особенности. Как правило, первым в составной жестовой единице располагается жест, который исполняется выше. За ним следует жест, который исполняется ниже в пределах жестового пространства. При этом оба жеста претерпевают фонологические изменения и редукцию. Так, для жеста, который занимает в составе сложного жеста первую позицию, характерна утрата движения, в то время как для второго жеста характерна утрата внутреннего повтора (если он есть) и ассимиляция по конфигурации с первым жестом. Если исходные жесты имеют разное направление движения, то движение одного из жестов ассимилируется. Исследования на материале американского жестового языка показывают, что жесты, образованные с помощью словосложения, имеют ту же длительность исполнения, что и одноморфемные жесты, и нередко становятся односложными [Liddel, 2003: 16].

Инкорпорация – еще один процесс, свойственный жестовым языкам. Данный процесс представляет собой «способ синтаксической связи компонентов словосочетания или всех членов предложения, при котором компоненты соединяются в единое целое без формальных показателей у каждого из них» [БЭС, 1998: 193]. В жестовых языках инкорпорация затрагивает преимущественно числительное. При данном типе числительное встраивается в именной жест. Конфигурация жеста при этом меняется на конфигурацию, обозначающую число. При этом локализация, ориентация и движение остаются неизменными.

Изучение процесса инкорпорации числительных в русском жестовом языке показывает, что он применим к ограниченному кругу существительных: в него входят жесты, обозначающие единицы измерения времени (МИНУТА, ЧАС, ДЕНЬ, МЕСЯЦ, НЕДЕЛЯ, ГОД), веса

(КИЛОГРАММ) и расстояния (КИЛОМЕТР), денежные единицы (РУБЛЬ) [Пономарева, 2008].

В русском жестовом языке практически не используется аффиксация. Этим русский жестовый язык кардинально отличается от русского звучащего языка, в котором аффиксы – одно из важнейших морфологических средств. Данный факт обусловлен тем, что аффиксация является линейным морфологическим процессом. В то время как в жестовых языках преобладают нелинейные способы передачи информации. Следовательно, аффиксация в жестовых языках используется сравнительно редко и не входит в число продуктивных морфологических процессов [Johnston, Schembri, 2007: 127].

Таким образом, на морфологическом уровне русский жестовый язык сильно отличается от русского звучащего языка. Для него характерно широкое использование разных типов редупликации и модификаций жеста, а также словосложения. Применение уникальных для жестовых языков морфологических средств, таких как, например, двуручная редупликация связано с использованием двух независимых мануальных артикуляторов.

1.5.2.3. Лексический уровень жестового языка

В жестовых языках коррелятом слова звучащего языка является жест, с помощью которого формируется лексический пласт жестового языка. Однако, в отличие от звучащих языков, лексический состав жестового языка имеет свои особенности. Данные особенности объясняются своеобразием субстанции жеста и функционального назначения жестовой речи.

Г.Л. Зайцева выделяет в русском жестовом языке два класса жестов. Первый класс состоит из жестов, у которых способ выражения значений определяется субстанцией, и которые передают различные внешние признаки денотатов. Второй класс – жесты, семантически наиболее тесно связанные с функцией русской жестовой речи [Зайцева, 2000].

По своим лингвистическим свойствам жесты делятся на ядерную, периферийную и заимствованную лексику [Johnston, Schembri, 2007].

В ядерную лексику входят жесты, которые составляют базу словарей жестовых языков. Как правило, их формы не обусловлены контекстом и имеют однозначную интерпретацию, если употребляются сами по себе [Кюсева, 2018].

К периферийной лексике относятся жесты, имеющие сходство с жестикуляцией и пантомимой слышащих людей. Эти жесты имеют намного более свободную форму, чем ядерные жесты, а их значение сильно обусловлено контекстом. Считается, что периферийная лексика не хранится в памяти носителей языка, а создается в момент речи [Буркова, 2019].

Периферийная лексика делится на две большие группы: указательные жесты и классификаторы. Единицы первой группы отсылают к конкретному референту или месту, ассоциируя с ним точку в пространстве. Они соответствуют таким категориям звучащих языков, как личные и указательные местоимения, а также наречия места. Вторая группа включает в себя жесты, конфигурация которых иконично изображает определенные свойства предмета [Кюсева, 2018].

Название «классификатор» заимствовано из терминологии, использующейся для описания звучащих языков. В ней под классификаторами понимают слова или морфемы, показывающие, к какому классу относится объект, о котором идет речь [Aikhenvald, 2000; Grinevald, 2000]. Классы бывают таксономическими (люди, животные и т. д.) и топологическими (круглое, тонкое, объемное и т. д.). Классификаторы могут присоединяться к разным частям речи: числительным, существительным, притяжательным местоимениям, глаголам. В случае с глаголами они указывают, к какому классу принадлежит объект или субъект глагола [Буркова, 2019].

Согласно классификации, которую накладывает на объекты конфигурация руки, выделяют такие типы классификаторов, как:

- семантические классификаторы (*semantic classifiers*);
- манипуляторные классификаторы (*handling classifiers*);
- спецификаторы формы и размера (*size and shape specifiers*);
- классификаторы частей тела (*body part classifiers*) [Zwitserslood, 2003].

Ядерные и периферийные жесты принадлежат к исконной лексике. Они возникли и развились в жестовом языке сами по себе, их форма не мотивирована другими языками. Однако, фундаментальное различие между двумя группами состоит в связи между семантикой и формой этих единиц. Так, компоненты ядерных жестов сами по себе не обладают значением. Принципиально иначе организовано распределение значения по компонентам в периферийных жестах. В жестах данного типа каждый компонент обладает своей семантикой, и смысл целого складывается из значения частей. Компоненты периферийных жестов всегда являются в высшей степени иконичными [Padden, 1998].

Заимствованная лексика представляет собой жесты, которые образованы от контакта с другими языками. Жестовый язык может заимствовать слова либо из соседствующего с ним звучащего языка, либо из другого жестового языка [Филимонова, 2016].

Жесты, форма и (или) значение которых мотивированы звучащим языком, можно разделить на четыре типа:

- дактильные слова (побуквенная передача слов из звучащих языков в жестовый при помощи дактильного алфавита, которая обычно применяется для имен собственных и понятий, для которых нет устоявшегося жеста);
- инициализованные жесты (жесты, в которых соблюдаются ограничения на набор выбранных пальцев, количество конфигураций и наблюдается такая же динамика движения, как и в ядерном лексиконе. Связь со звучащим языком в жестах данного типа проявляется в выборе

конфигурации руки: ею является дактильный вариант первой буквы соответствующего слова в звучащем языке);

- калькирование (семантические заимствования, которые по форме компонентов являются ядерными, но их семантическая структура мотивирована звучащим языком сообщества. Данные жестовые единицы представляют собой слияние двух или более жестов, являющихся буквальным переводом компонентов соответствующего сложного слова звучащего языка);

- маусинг (губная артикуляция соответствующего слова (или его части) звучащего языка. Маусинг не является обязательным компонентом жеста) [Буркова, 2019].

Наличие заимствований в жестовых языках является одним из проявлений динамичности жестового лексикона. Словарный состав жестовых языков представляет собой подвижную систему. Выход из употребления жестов и появление новых, в первую очередь, связаны с изменениями реалий. С проникновением русского жестового языка в сферу официального общения появляются новые лексические единицы, необходимые для передачи содержания научного, социально-политического и другого характера. Изменение жестов, как правило, происходит в соответствии с принципом экономии усилий и ведет к сокращению их длительности и уменьшению иконичности.

Таким образом, на лексическом уровне жестовый язык характеризуется наличием различных типов жестов, которые можно разделить на две основные группы: исконные и заимствованные. Словарный состав жестового языка чутко реагирует на изменения, происходящие в окружающем мире, постоянно дополняясь новым единицами и обеспечивая удовлетворение коммуникативных потребностей пользователей этого языка.

1.5.2.4. Синтаксический уровень жестового языка

На синтаксическом уровне языка предметом исследования выступают предложения и словосочетания, а также взаимодействие частей речи в этих языковых единицах [Тестелец, 2001]. Одним из базовых понятий на этом языковом уровне является порядок слов.

Порядок слов представляет собой линейную последовательность слов в предложении или словосочетании. Говоря о порядке слов в языке, как правило, имеется в виду порядок главных составляющих предложения (подлежащего, прямого дополнения и сказуемого). В лингвистической литературе часто используются термины «субъект», «объект» и «предикат», которые также обозначаются латинскими буквами *S*, *O* и *V* [Буркова, 2019].

В различных языках используется разный порядок слов. Например, в русском и английском языках его можно описать формулой *SVO* (Я пишу сочинение – *I write an essay*). Другой порядок слов будет маркированным – смысловое ударение будет падать на объект (Сочинение пишу я (а не письмо)) [Филимонова, 2016].

В жестовых языках порядок главных составляющих в предложении также может быть различным. Тем не менее, представляется возможным выделить базовый порядок. В.И. Киммельман в своем исследовании делает вывод о том, что в русском жестовом языке два базовых порядка слов:

- с простыми и согласующимися глаголами используется *SVO*;
- с классификаторными конструкциями – *SOV* [Kimmelman, 2012].

Существуют различные факторы, которые способны повлиять на порядок слов (например, одушевленность/неодушевленность, распространенность дополнения, показатели аспектуальности). Так, в русском жестовом языке глагол может занять последнюю позицию в предложении, если он является классификаторной конструкцией или в нем

маркируется аспект (например, если описывается повторяющееся действие) [Kimmelman, 2014].

Учитывая тот факт, что в жестовых языках почти никогда не встречается падежное маркирование подлежащего и дополнения, порядок слов особенно важен в ситуации, когда и подлежащее, и прямое дополнение одушевленные, из-за чего может возникнуть неоднозначность. Поэтому для ясности в таких предложениях чаще используется порядок *SVO* [Italian Sign Language..., 1984].

Специфика синтаксического уровня жестовых языков заключается в том, что понятие «порядок слов» не всегда возможно применить по отношению к жестовым языкам. На основании того, что в этих языках две руки могут симультанно исполнять два разных жеста (два артикулятора). Не всегда возможно говорить о порядке этих двух жестов. Несмотря на наличие пересечений между жестами, все они упорядочены относительно друг друга [Буркова, 2019].

Различия между утвердительными и отрицательными предложениями в жестовых языках являются хорошим примером того, что кроме рук важную роль играют мимика и движения тела. В большинстве жестовых языков утвердительные и отрицательные предложения различаются интонацией (немануальным оформлением). Помимо интонации также используются другие средства, различающие утверждение и отрицание.

Отрицательные предложения в жестовых языках строятся при помощи сочетания мануальных и немануальных показателей.

К мануальным показателям в русском жестовом языке относятся особые отрицательные жесты. Количество таких жестов очень велико (более 20 жестов с отрицательным значением), но наиболее частотными являются три жеста (НЕ, НЕ1, НЕТ) [Киммельман, 2007]. Эти жесты практически не отличаются по семантике и взаимозаменяемы во многих контекстах, хотя и есть нюансы в функциональном плане. Так, в русском жестовом языке вспомогательный отрицательный жест НЕ употребляется для выражения

отрицания с большинством глаголов, а отрицательный жест НЕТ используется для отрицания существования или обладания и в качестве отрицательного ответа на общий вопрос. Стоит также заметить, что эти жесты в русском жестовом языке всегда занимают позицию после глагола, а не перед ним, как в русском звучащем языке.

К немануальным показателям отрицания обычно причисляют повороты головы из стороны в сторону и сведенные брови [Zeshan, 2004]. В большинстве контекстов немануальное маркирование является обязательным, и без него предложение становится грамматически ошибочным.

Говоря о вопросительных предложениях, можно отметить, что в звучащих языках с точки зрения характера ожидаемого ответа обычно выделяют два типа вопросов: общие и частные (специальные).

В жестовых языках также имеются общие и частные вопросительные предложения, которые различаются не только семантически, но и набором используемых формальных средств. При этом в разных жестовых языках средства выражения общего и частного вопроса могут отличаться.

Общие вопросы порядком слов обычно схожи с утвердительными предложениями: вопросительность маркируется интонацией, т.е. немануальными маркерами. В большинстве жестовых языков такими немануальными маркерами являются поднятые брови, широко раскрытые глаза и иногда наклон тела вперед [Буркова, 2019].

Частные вопросы (как и общие) тоже обязательно маркируются немануальными маркерами. В некоторых жестовых языках (например, в американском) частные вопросы маркируются опущенными бровями. В других жестовых языках они могут маркироваться опущенными или поднятыми бровями. К таким языкам относится русский жестовый язык.

Таким образом, синтаксический уровень жестовых языков в некоторой степени похож на синтаксический уровень звучащих языков. Обычно в жестовом языке можно выделить базовый порядок слов и описать факторы

(одушевленность/неодушевленность, распространенность дополнения, показатели аспектуальности), которые влияют на него. К уникальным явлениям синтаксиса жестовых языков относится, например, одновременное исполнение двух жестов. Кроме того, для жестовых языков обязательно наличие немануальных маркеров (например, при выражении отрицания).

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

1. Все знания, полученные человеком в результате жизнедеятельности, хранятся в его сознании в виде картины мира как переосмысленном отражении окружающего мира. Средством материальной актуализации этих знаний выступает язык, который является наиболее удобной и приспособленной для этого системой.

2. Концепты представляют собой базовые единицы картины мира, абстрактные понятия, являющиеся следствием чувственного опыта и различных видов деятельности и существующие в человеческой ментальности в виде оперативной единицы мыслительных процессов.

3. Концепты носителей одной лингвокультуры могут существовать в упорядоченной совокупности, образуя концептосферы. Концепты, которые обладают общими свойствами и значением и связаны системными отношениями, общим семантическим компонентом, могут объединяться в концептуальные поля. Изучение концептуальных полей помогает раскрыть некоторые аспекты концептов, которые в других условиях невозможно обнаружить.

4. На протяжении многих веков коммуникация при помощи жестов считалась примитивной и не изучалась. Проведенные исследования систем общения глухих показали, что жестовые языки являются полноценными семиотическими системами. Они естественны и имеют свою уровневую структуру, как и звучащие языки.

5. На фонетическом уровне жестовые языки имеют сходства со звучащими языками, так как в них имеются параметры жеста, которые являются аналогами фонем. Однако, есть отличия, которые обусловлены использованием рук для производства жестовой речи – одновременная реализация фонем в речи и разные по своим фонологическим характеристикам типы жестов.

6. На морфологическом уровне для русского жестового языка характерно широкое использование разных типов редупликации и модификаций жеста, а также словосложения. Применение уникальных для жестовых языков морфологических средств, таких как, например, двуручная редупликация, связано с использованием двух независимых мануальных артикуляторов.

7. Лексический уровень жестового языка характеризуется наличием различных типов жестов, которые можно разделить на две основные группы: исконные и заимствованные. Словарный состав жестового языка динамичен и чутко реагирует на изменения, происходящие в окружающем мире, постоянно дополняясь новыми единицами и обеспечивая удовлетворение коммуникативных потребностей пользователей этого языка.

8. Синтаксис жестовых языков в некоторой степени похож на синтаксис звучащих языков. В жестовом языке можно выделить базовый порядок слов и описать факторы, которые влияют на него. Встречаются и уникальные явления, например, одновременное исполнение двух жестов. Кроме того, обязательное наличие немануальных маркеров в жестовых языках при выражении отрицания, а также тот факт, что их поведение подчиняется особым правилам, говорит о том, что они являются частью грамматики.

ГЛАВА 2. СПЕЦИФИКА ЖЕСТОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СФЕРЫ «ЧЕЛОВЕК» В РУССКОМ ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКЕ

В данной работе был произведен отбор жестов, которые входят в категорию «Человек». Всего было проанализировано 80 русских жестов, репрезентирующих человека как биопсихосоциальное существо. В качестве иллюстративных примеров теоретических положений и выводов, полученных в результате анализа, в работу был включен 21 жест, указывающий на физиологический аспект человека (жесты-соматизмы), 15 жестов – на психологический аспект (жесты, описывающие черты характера) и 14 жестов – социальный аспект (жесты, показывающие роль человека в обществе).

2.1. Решение проблемы «человек как объект познания» в истории развития научной мысли

Проблема человека является одной из самых сложных и важных для научного познания. Это во многом объясняется тем, что все в общественном бытии прямым образом связано с человеком и создается в результате его деятельности. Человек был и остается главной фигурой всего общественного, исторического процесса. Сказанное подтверждается наличием огромного количества научной и философской литературы, отражающей различные аспекты человека и его бытия.

В истории общественной мысли были созданы разные образы человека. Во множестве оценок и характеристик, как правило, преобладает подход, возвышающий человека. В рамках такого подхода человек рассматривается как существо уникальное, универсальное, целостное, венец природы. В то же время в различных научных направлениях и в философии, в частности,

имеются оценки, которые характеризуют человека как существо ограниченное, одномерное, бунтующее [Махаров, 2011].

Сама концепция человека зародилась еще в первобытное время. В эту эпоху люди стремились наделить абсолютно все предметы и явления внешнего мира человеческими качествами и свойствами, отрицая существование неодушевленного мира. Оценка внечеловеческого мира основывалась на тех нормах жизни и поведения, которые были выработаны на данной ступени развития.

Древний человек еще не отделял себя от природы и первобытной общины, не противопоставлял себя окружающему миру. Однако, чувство противоречия с окружающими условиями постоянно присутствовало в человеческом сознании. По этой причине его познавательный интерес был обращен не только на внешний мир, но и на самого себя. Важно отметить, что в мифологическом сознании происходило обобщение как природных, так и общественных явлений: первобытные люди «всегда рассматривали человека как часть общества, а общество – включенным в природу и зависящим от космических сил» [Франкфорт, 1984: 25].

Первые попытки философского осмысления проблемы человека были сделаны в древнеиндийской и древнекитайской философии начала I тысячелетия до нашей эры. Кроме этого, размышления о природе человека встречаются в трудах видных древнегреческих мыслителей.

В Древней Индии отдельные мыслители задумывались над вопросами о происхождении человека, о его отличиях от животных, делая их специальным предметом своих рассуждений. Свою концепцию человека они описывали в упанишадах, специальных трактатах, которые носили религиозно-философский характер. В них мифологический образ «вселенского человека» постепенно трансформируется в представление о человеке как о вполне конкретном явлении. Многие авторы упанишад присваивали человеку две ведущие сущности: тело, которое создал брахман, и душа, которую создал атман. В результате, душа и тело сливаются в

единый атман – брахман. Так индивидуальное человеческое Я понимается как высшая реальность и ценность.

Самым существенным в индийской философской системе является возвышение человека как существа разумного над всеми видами живой природы: «...этот человек – море, он возвышается над всеми мирами» [Древнеиндийская философия, 1972: 79]. Превосходство человека над животными заключается в его разумности. Содержащиеся в упанишадах представления о человеке оказали воздействие на все дальнейшее развитие древнеиндийской философии. Впоследствии наряду с другими вопросами стали рассматриваться различные состояния человеческой психики, специфика чувств, первопричина человеческой деятельности, нравственные корни поведения людей и т. д.

Мыслители Древнего Китая также имели довольно четкое представление о человеке как самом разумном существе. В этой связи они отмечают: «...человек является самым разумным среди всех существ, наделенных жизнью... Поэтому он по своей природе полагается на разум, а не опирается на силу. Поэтому человек высоко ценит разум, ибо ценит то, что сохраняет его существование» [Древнекитайская философия, 1972: 222]. При этом человека как разумное существо отличает усердие в труде, так как лишь труд может обеспечить ему существование. По этому поводу Мо-цзы, основатель школы моистов, отражавших в своих философских воззрениях интересы трудовых низов китайского общества, говорил: «Нынешний человек отличен от животных. Кто усерден в труде, тот имеет возможности жить...» [Там же: 196].

Наиболее значительным в древнекитайской философии было этико-политическое учение Конфуция (VI–V вв. до н.э.). Размышляя о природе человека, его предназначении в мире, воспитании и правилах поведения, Конфуций говорил об изменении человека: «По своей природе люди близки друг другу, по своим привычкам люди далеки друг от друга» [Там же: 171]. Изменчивость человека зависит от изменения социальных условий. Такой

подход давал ему возможность поставить вопрос о необходимости воспитания человека. Именно в эпоху Конфуция философы пришли к глубокому пониманию взаимоотношений людей в обществе, государства и личности.

В целом у древнекитайских философов были весьма разнообразные суждения о природе человека, его деятельности и нравственных принципах, которые лежали в основе его образа действий. Они включали в себя как наивные предположения о сущности человека, его месте и предназначении в круговороте жизни, так и некоторые рациональные идеи о мотивах человеческой деятельности, о воспитании людей в социуме.

Проблема человека также заботила умы древнегреческих философов, которые постоянно обращались к осмыслению тех или иных ее аспектов. Так, Анаксагор считал, что человек есть самое разумное существо из животных вследствие того, что он имеет руки [Лебедев, 1989]. По мнению Гомера, человек является самым несчастным из всех существ в мире, поскольку он смертен и ему недоступно знание. Люди подвластны судьбе, все решения принимают боги, и человек не в силах на что-либо повлиять [Махаров, 2011]. Протагор, в свою очередь, выдвинул тезис, который стал крылатым выражением в течение столетий: «Человек есть мера всех вещей: существующих в том, что они существуют, несуществующих в том, что они не существуют» [Lask, Most, 2016]. Во-первых, этим выражением Протагор поднял человека исключительно высоко по сравнению с другими объектами бытия. Во-вторых, данное выражение означает, что вещи существуют для нас такими, какими мы их ощущаем, а также какими качествами и свойствами мы наделяем их в зависимости от специфики нашей перцепции. В рамках подобного подхода облик объективной реальности полностью формируется благодаря особенностям человеческих ощущений и перцепции.

Несмотря на внимание разных мыслителей к проблеме человека, только в философии Сократа эта проблема переместилась в центр исследовательского интереса, став доминирующей. А.Ф. Лосев писал:

«Сократ вместе с софистами открыл новую эпоху истории античной философии, обратившись от космогонии и натурфилософии к проблеме человека, и, в частности, к проблеме разума. В свое время это, несомненно, было чем-то вроде философской революции» [Лосев, 1968: 495]. Философ рассуждал о состоянии добра и зла в социуме, был сторонником ведения добродетельной жизни и установления справедливых отношений между людьми, отстаивал идеи нравственного поведения и высказывал мысли о необходимости целостного развития личности. По его мнению, знание о человеке и его душе составляет основу философского знания как такового [Суриков, 2011]. Вследствие этого цель познания, согласно Сократу, заключается, прежде всего, в самопознании, познании своего духовного Я, своей души [Там же].

Более глубокое осмысление проблемы человека в древнегреческой философии встречается у Аристотеля, ученика Платона. Человеческое существо рассматривалось им, с одной стороны, как нечто «единое неделимое», а с другой стороны – как «политическое животное», предназначенное к «сожитию» с себе подобными [Аристотель, 2015: 7]. В «Политике» он отмечает, что «...человек по природе своей – существо политическое» [Аристотель, 2015: 14]. Аристотель превозносил человека, ставя его выше других существ, поскольку человек обладает развитым интеллектом, даром речи, способностью различать добро и зло. Философ в этой связи отмечал, что «природа дала человеку в руки оружие – интеллектуальную и моральную силу» [Там же]. Тем самым он стремился подчеркнуть различия между человеком и животным.

В отличие от античности, в Средние века появляется религиозное мировоззрение, которое имеет фундаментально иной взгляд на природу человека. В священных христианских книгах Старого и Нового завета и других источниках представляются разные толкования сущности и назначения человека. Между тем, сразу был сформулирован и зафиксирован основной постулат христианской религии: Бог сотворил человека по своему

образу и подобию. «Такая позиция», – пишет В. Волжский, – «прямо противоположна античной. Я хочу поставить акцент не на факте творения, а на образе и подобию. Здесь, в отличие от греческой установки, не иное человека подобно ему, а он подобен иному. Это положение является наиболее фундаментальным отличием христианского мировоззрения от языческого (греко-римского)» [Волжский, 1997: 25].

Господствующее положение теологических концепций человека в Средние века обусловлено социальными обстоятельствами. Человек находился под давлением со стороны неподвластных его контролю высших социальных сил, которые воспринимались им как ниспосланные свыше.

В эпоху Возрождения в философской науке значительный вклад был внесен гуманистической концепцией человека, которая подрывает основы теологического представления. В противоположность взглядам на человека как на существо греховное и покорное, философы данной эпохи подчеркивали ценность человеческой личности, ее достоинства, разум и благородство. В своих работах они признавали возвышенность и самоценность личности. На передний план выдвигается вопрос о взаимоотношениях между человеком и природой, личностью и обществом, провозглашается идеал всесторонне развитой личности [Соколов, 1984].

В выдвижении новых гуманистических концепций человека огромную роль также сыграли достижения в естественнонаучной области. Открытия Леонардо да Винчи, Николая Коперника, Джордано Бруно, Галилео Галилея и многих других ученых способствовали свершению революции в научном познании. Данные открытия ставят под сомнение религиозные взгляды на мир, в результате чего ориентация философии со временем перемещается в область науки. В теории познания утверждается идея познаваемости и безграничности мира. Формирование новой естественнонаучной картины мира неизбежно воздействует и на развитии социальной и гуманитарной проблематики [Махаров, 2011].

Исследование человека с учетом его природных основ вызывает интерес некоторых мыслителей к его телесности. Профессор Падуанского университета (Италия) А. Везалия в XVI в. издал трактат «О строении человеческого тела» [Везалий, 1543]. Там же открывается большой Анатомический театр. Красота человеческого тела привлекает многих художников и скульпторов.

Эпоха Нового времени (XVII–XVIII столетия) имеет особое место в истории человечества. В цивилизационном развитии общества произошел огромный скачок: в экономическом плане социум переходит на более масштабное производство, разделение труда в рамках промышленного труда, применение машин и новых технологических средств позволили перейти к мануфактурному производству; в политической сфере во весь рост поставлены вопросы свободы и прав человека, получившие юридическое оформление в «Декларации прав человека и гражданина»; в духовной сфере значительным событием явилось возникновение классических наук, что связано главным образом с выдающимися открытиями в естественнонаучном познании.

Английские материалисты того времени, в первую очередь Ф. Бэкон, Т. Гоббс и Дж. Локк, подвергли резкой критике христианское учение о человеке, при этом обосновав в своих трудах представления о материальной, телесной природе человеческого существа. Они исследовали человека как деятельного члена общества.

Человеческое знание разбивается по способностям разумной души. История соответствует памяти, поэзия – воображению, философия – рассудку. Ф. Бэкон выделяет философию человека, которая состоит из учения о теле, т. е. медицины, косметика, атлетики, изобразительного искусства, музыки. В философию человека также входит учение о душе, освобожденное от теологических рассуждений. Оно, в свою очередь, включает логику, этику и гражданскую науку, понимаемую как учение об общении, деловых отношениях, о государстве [Бэкон, 1977]. В предпринятой

Ф. Бэконом классификации наук философия человека получает отдельное обоснование.

В работах Т. Гоббса «О человеке» [Гоббс, 1658], «О теле» [Гоббс, 1655], «О гражданине» [Гоббс, 1642], «Левиафан» [Гоббс, 1651] и других в прямой или косвенной форме рассматривались проблемы человека, общества и взаимоотношений между ними. В своей философской системе Т. Гоббс пытался объединить три понятия: человек, тело, гражданин [Гоббс, 1989].

До сих пор не существует единого исчерпывающего понятия «человек». Каждое научное направление, занимающееся вопросами человека, предлагает свое определение. В «Большом Энциклопедическом словаре» указывается, что человек – это «общественное существо, обладающее сознанием, разумом, субъект общественно-исторической деятельности и культуры» [БЭС: URL]. В философском словаре человек определяется как «биосоциальное существо, генетически связанное с другими формами жизни, выделившееся из них благодаря способности производить орудия, обладающее членораздельной речью, мышлением и сознанием, нравственно-этическими качествами» [Философский словарь, 2001: 651]. «Большая психологическая энциклопедия» трактует понятие «человек» как «существо, воплощающее высшую ступень развития жизни, субъект общественно-исторической деятельности. Человек является системой, в которой физическое и психическое, генетически обусловленное и прижизненно сформированное, природное, социальное и духовное образуют нерасторжимое единство» [БПЭ, 2007: 501].

Таким образом, взгляды на человека значительно видоизменялись в ходе исторического процесса. Изначально человек воспринимал себя неотъемлемой частью живой природы, которой приписывал свои качества. С течением времени он стал отделять себя от нее, подчеркивая различия, которые имелись между ним и другими животными. Как древнеиндийские, так и древнекитайские мыслители возвышали человека как самое разумное существо, выделяя различные ключевые аспекты его природы (тело, ум,

душа). Для древнегреческих философов человек также представлялся самым разумным существом с даром речи. При этом больше всего акцентировалось внимание на человеческой личности, подчеркивалась значимость поведения, воспитания, нравственности, политичности и социальности, взаимоотношений, а также интеллектуальной силы и морали. В дальнейшем мыслители провозглашали ценность всесторонне развитой личности, и человек рассматривался ими в качестве деятельного члена общества. Такое наследие философской мысли позволяет выделить в концептуальной сфере ЧЕЛОВЕК такие основные элементы, как тело, личность, гражданин.

2.2. Репрезентация концептуальной сферы ЧЕЛОВЕК в русском жестовом языке

2.2.1. Жестовая репрезентация человека как существа физиологического (анатомия человека)

Одной из ключевых категорий концептуальной сферы «человек» является категория «тело». Как неотъемлемый компонент сущности любого живого человека тело представляет собой его материальное воплощение, позволяющее укорениться в природе и быть ее частью. По мнению Мерло-Понти, тело является медиумом, благодаря которому человек обладает бытием в мире [Мерло-Понти, 1999].

В русском жестовом языке (как и в звучащих языках) данная категория получает свою репрезентацию с помощью жестов-соматизмов. Анализ этих жестов, включенных в международный электронный словарь *Spread the Sign*, позволяет утверждать, что жестовая концептуализация представляет собой полноценную систему фиксации концептуальных смыслов с помощью визуально-мануальной модальности и обладает рядом особенностей.

Данные особенности жестовой репрезентации обусловлены параметром возможности непосредственной зрительной перцепции органа

или части человеческого тела, которая получает жестовую номинацию. По этому параметру можно выделить три основных способа жестовой концептуализации знаний о теле человека.

Первый способ концептуализации заключается в концептуализации знаний об органах/частях тела человека, физиологически расположенных в поле зрения собеседника и, как следствие, в зоне реализации жестов.

Жесты, в основе которых лежит данный способ концептуализации, задействуют физические возможности человека легко и четко воспринимать объекты, находящиеся в области визуального восприятия. Это во многом объясняет тот факт, что превалирующее количество жестов-соматизмов, которые обозначают лицо и различные его участки, исполняется путем прямого указания на них указательным пальцем правой руки. Например, жест ГЛАЗ представляет собой указание на правый глаз; жест ВЕКО – указание на веко правого глаза; при исполнении жеста НОС носитель жестового языка указывает на нос; жеста УХО – на правое ухо; при исполнении жеста ПОДБОРОДОК указательный палец правой руки показывает на подбородок и др.

В исполнении ряда жестов данной группы указательный палец может выполнять рисующую функцию, очерчивая контур или дублируя форму органа. Например:

- жест ЛИЦО исполняется указательным пальцем правой руки, который совершает одно круговое движение по часовой стрелке вокруг лица;
- во время исполнения жеста БРОВЬ указательный палец правой руки проводит линию над правой бровью, воспроизводя ее форму;
- для исполнения жеста РОТ указательный палец правой руки выполняет круговое движение вокруг рта, выделяя эту область;
- жест ГУБА исполняется указательным пальцем правой руки, который проводит линию под нижней губой, начиная от левого и заканчивая у правого уголка рта.

Второй способ концептуализации заключается в концептуализации знаний об органах/частях тела человека, физиологически расположенных вне поля зрения собеседника и, соответственно, вне зоны реализации жестов, но тем не менее, в пределах физиологической возможности человека указать на них. В связи с этим жесты данной группы не могут быть исполнены при помощи прямого указания на них. Их исполнение предполагает указание на область их размещения. К таким жестам относятся жесты, обозначающие внутренние органы, туловище и конечности человека.

Преобладающее количество жестов, обозначающих внутренние органы, является одноручными. В отличие от жестов, обозначающих части лица, в реализации этих жестов указательную функцию берет на себя средний палец. Так,

- в ходе воспроизведения жеста ПЕЧЕНЬ средний палец находится в согнутой позиции (под углом 90 градусов), все остальные пальцы – в открытой позиции. Средним пальцем говорящий два раза касается правого бока как места, где приблизительно расположена печень;
- в исполнении жеста СЕРДЦЕ участвует раскрытая ладонь правой руки, расположенная в районе сердца. Средний палец говорящего прикасается к груди два раза;
- жест ПОЧКИ исполняется средним пальцем, который находится в согнутой позиции. Остальные пальцы принимают открытую позицию. Говорящий средним пальцем два раза касается правого бока в области местоположения правой почки;
- в процессе исполнения жеста ЖЕЛУДОК средний палец принимает согнутую позицию, в то время как все остальные пальцы открыты. Говорящий делает вдох и средним пальцем правой руки проводит короткую линию верх-вниз над солнечным сплетением. Движение повторяется три раза.

В процессе жестовой номинации туловища и конечностей человека, которые являются пространственно объемными по сравнению с другими органами тела, указательную функцию осуществляет ладонь правой руки, которая физически способна охватить достаточно большую площадь тела и представить более крупные его части. Например,

- жест ПОДМЫШКА исполняется этой ладонью, которая проводит по левой подмышке два раза;
- для исполнения жеста СПИНА правая ладонь располагается над правым плечом, и говорящий в воздухе совершает похлопывающие движения, как будто касаясь спины;
- в ходе исполнения жеста ПЛЕЧО прямая ладонь правой руки два раза прикасается к правому плечу говорящего, а затем перемещается вперед, и большой и указательный пальцы соединяются.

Для указания на более обширные участки тела могут быть задействованы обе ладони, которые двигаются синхронно.

Так, для обозначения всего человеческого тела используется двуручный симметричный жест ТЕЛО. При его воспроизведении все пальцы обеих рук находятся в открытой позиции и сомкнуты (кроме больших пальцев). Ладони поднимаются до уровня подмышек, а потом пальцы обращаются к говорящему, и ладони опускаются вдоль тела, до уровня живота. Таким образом жест демонстрирует границы тела, а также его длину.

В процессе исполнения жеста ТОРС обе ладони выпрямлены, а пальцы растопырены. Ладони прижимаются к груди, скользят вниз на несколько сантиметров и отстраняются от нее. Правая рука принимает горизонтальное положение (ладонь направлена вниз) на уровне груди, в то время как левая рука останавливается на уровне живота (ладонь направлена вверх). Руки двигаются в противоположенные стороны, обозначая границы торса.

Проведенный анализ жестов данной группы позволяет выявить такую особенность жестовой концептуализации крупных частей тела, как

эксплицитная репрезентация занимаемого ими пространства и выделенность их границ и объема в сознании носителей жестового языка. В свою очередь, это указывает на отличие жестовой концептуализации данной категориальной группы от ее концептуализации в звучащем языке, в котором данная характеристика фиксируется имплицитно (например, «тело – организм человека или животного в его внешних, физических формах; часть этого организма, исключая голову и конечности, туловище» [Ожегов, 2008]; «торс – туловище человека, а также скульптурное изображение туловища» [Там же]).

Третий способ концептуализации заключается в концептуализации знаний об органах/частях тела человека, физиологически расположенных в зоне, наиболее удаленной от области зрительного восприятия собеседника.

Особенностью исполнения жестов данной группы является включение в процесс концептуализации руки, которая выступает в роли визуальной опоры. В русском жестовом языке данную функцию выполняет левая рука. Она используется в качестве своеобразного манекена, на котором проводят демонстрацию при рассказе о частях конечностей, в особенности, при упоминании нижних конечностей. Например,

- во время исполнения жеста ПЯТКА прямая левая ладонь отклоняется назад и используется как модель ноги. Кончики пальцев правой ладони касаются внутреннего запястья левой руки как импровизированной пятки;
- жест СТУПНЯ исполняется левой прямой ладонью с сомкнутыми пальцами. Она принимает горизонтальное положение параллельно земле и располагается на уровне плеч. Правая рука с таким же положением ладони два раза проводит по внутренней стороне левой ладони в направлении от кончиков пальцев к запястью;
- в ходе исполнения жеста ИКРА обе ладони выпрямлены и находятся перед говорящим на уровне живота. Они поочередно совершают

круговые движения в направлении от себя к собеседнику, имитируя шаги. Потом левая рука сгибается в локте и принимает вертикальное положение, внутренняя часть ладони видна собеседнику. Говорящий два раза проводит правой ладонью по внутренней части предплечья правой руки, от кисти до локтя.

Следовательно, отличительная черта жестовой репрезентации конечностей, находящихся за пределами поля зрения собеседника, заключается в том, что левая рука играет роль их заместителя. Она не только демонстрирует их визуальный образ, но и физиологически копирует их, воспроизводя характерные движения.

Таким образом, жестовая концептуализация частей тела человека имеет ряд особенностей. В основе концептуализации лежит специфика восприятия носителей жестового языка, когнитивная система которых опирается преимущественно на зрительный контакт с окружающим миром. Ключевым параметром в жестовой номинации является возможность визуальной перцепции органа или части тела. Данный параметр обуславливает конкретный способ их жестовой концептуализации.

Из общего корпуса проанализированных жестов прямое указание имеют те части тела, которые находятся непосредственно в зоне жестовой концептуализации (18 из 21 жестов). В данной группе почти все жесты, обозначающие части лица, исполняются указательным пальцем (10 из 11 жестов). Данный способ концептуализации обусловлен физиологическим расположением этих органов на уровне глаз собеседника, их наиболее удобной локацией для визуального восприятия. В этой группе формируется также подгруппа жестов (4 жеста), исполнение которых базируется на дублировании формы органа.

Более крупные участки тела, части туловища и верхних конечностей, обозначаются ладонью (7 из 9 жестов), которая не только способна покрыть их, но и проводит разграничительные линии, показывая их пределы. Внутренние органы, которые находятся в брюшной полости, обозначаются

средним пальцем (4 из 5 жестов), поскольку недоступны для невооруженного глаза.

Специфика реализации жестов, обозначающих нижние конечности, заключается в том, что в речевом акте они замещаются левой рукой (5 из 9 жестов), которая служит их прообразом, а также может моделировать их функционал.

2.2.2. Жестовая репрезентация человека как существа психологического (характер человека)

Каждый человек является личностью, обладающей определенным набором психологических свойств, на которых основываются ее поступки, имеющие значение для общества. В совокупности эти свойства можно назвать характером личности. С.Н. Мельник определяет характер как набор черт, которые «достаточно показательны для человека и позволяют с известной вероятностью предугадывать его поведение в том или ином конкретном случае» [Мельник, 2004: 31].

В электронном словаре жестовых языков *Spread the Sign* в категории «Характеристики» представлено 182 жеста, описывающие характер человека. В рамках проведенного исследования было отобрано 15 жестов для иллюстративного анализа.

В результате анализа жесты данной категории представляется возможным разделить на три подгруппы:

- жесты с вектором направленности на говорящего;
- жесты с вектором направленности на коммуникативного партнера или предмет речи;
- жесты с вектором направленности вниз, выражающие негативную оценку.

Первый способ концептуализации заключается в концептуализации знаний о чертах характера личности на основе ориентированности на самого говорящего. В данную группу входят жесты, реализующиеся вблизи от тела исполнителя. Они имеют небольшую амплитуду исполнения, а также включают в себя движения, которые либо направлены на говорящего, либо параллельны его телу.

Особенность такого способа жестовой концептуализации обнаруживается при сравнении семантики жестов с номинативными единицами, которые репрезентируют концепты данной категории в русском звучащем языке. Ввиду пребывания в общей лингвокультуре объем знаний носителей этих двух языков частично совпадает. Однако, использование разных систем кодирования, а также особенностей концептуализации мира, обусловленных различиями в ведущих физиологических системах восприятия и социальными особенностями жизнедеятельности ведет к появлению расхождений. Различия в кодировании концептов возникают также из-за неспособности жеста охватить все характеристики, которые входят в ту или иную черту характера. Следовательно, жесты могут включать характеристики, которые вовсе или частично не закреплены словарными дефинициями номинативных единиц звучащих языков. К этой группе относятся такие жесты, как АГРЕССИВНЫЙ, ЩЕДРЫЙ, ДРУЖЕЛЮБНЫЙ, ХИТРЫЙ, УГРЮМЫЙ, ЛИЦЕМЕРНЫЙ.

Например, жест АГРЕССИВНЫЙ является одноручным и исполняется правой рукой, зажатой в кулак (все пальцы в закрытой позиции), которая нерезко совершает полтора оборота по часовой стрелке около груди говорящего. Описанное исполнение жеста фиксирует такую основную концептуальную характеристику, как постоянное скопление неприятных ощущений и негатива.

Данный жест не обнаруживает направленность агрессии на внешний мир, что, в свою очередь, закрепляется в русском звучащем языке. По определению толкового словаря С.И. Ожегова, агрессия – это открытая

неприязнь, вызывающая враждебность [Ожегов, 2008]. Соответственно, в русском звучащем языке находит свою экспликацию такая ключевая характеристика, как неприкрытая антипатия, враждебный настрой. В отличие от лексической единицы звучащего языка жест АГРЕССИВНЫЙ, исполняемый близко к телу говорящего, не указывает на внешнее проявление данного чувства и, соответственно, не фиксируется таким элементом исполнения, как направленность на собеседника.

Следовательно, в жестовой концептуализации рассматриваемой черты характера фиксируется такой ее признак, как склонность человека к систематической аккумуляции отрицательных чувств, на что в составе жеста указывает такой элемент, как повторяющееся круговое движение, определяющий цикличность данного состояния.

Жесты ДРУЖЕЛЮБНЫЙ и ЩЕДРЫЙ идентичны. В их воспроизведении участвует правая ладонь (все пальцы в открытой позиции и сомкнуты). Она два раза прикасается к груди говорящего в области сердца. Подобная реализация жестов может указывать на великодушие человека, готового искренне, от всего сердца делиться чем-то с собеседником, к которому он доброжелательно настроен.

Лексической единицей «щедрый» носителями русского звучащего языка репрезентируется качество человека, который охотно тратится на других, не является скупым [Там же]. Из этого следует, что в русском звучащем языке в фокусе восприятия и понимания данной черты характера находится факт безвозмездной отдачи чего-либо, в то время как носители жестового языка придают значение источнику благого поступка или хорошего отношения к человеку.

Как и в случае с жестом АГРЕССИВНЫЙ, данные жесты фокусируются на внутренней стороне проявления человеческого качества, за счет чего подчеркивается новый аспект данной черты характера – доброе сердце как первопричина благосклонности к людям и желания делиться с ними всем имеющимся.

Жестовая концептуализация такой черты характера, как ХИТРЫЙ также позволяет отнести этот жест к первой группе. Анализируемый жест исполняется одной рукой, но его мануальная реализация дополняется таким немануальным маркером, как глаза. Правая рука говорящего принимает форму кулака, но кончики большого и указательного пальцев соединены. Говорящий прищуривается и выбранными пальцами два раза совершает движение от правого уголка рта до уха. Прищур, который является вспомогательным элементом данного жеста, представляет собой непровольную реакцию сужения диапазона зрительного восприятия, когда человек замышляет что-то и вызывает своим поведением некие подозрения. Такой взгляд может также сигнализировать о недоверчивости.

В «Толковом словаре русского языка» в лексической единице «хитрый» выделяются несколько значений: 1. изворотливый, скрывающий свои истинные намерения, идущий обманными путями; 2. лукавый, обнаруживающий какой-нибудь скрытый умысел, намерение; 3. изобретательный, искусный в чем-нибудь; 4. замысловатый, мудреный [Там же]. Сравнение понятийного толкования прилагательного «хитрый» в русском жестовом языке и способа жестовой репрезентации данной лексической единицы позволяет указать на меньшее количество признаков, фиксируемых в рамках жестовой концептуализации. Для носителей русского жестового языка ведущей концептуальной характеристикой данной черты характера выступает только вторая характеристика (лукавый, обнаруживающий какой-нибудь скрытый умысел, намерение).

Исходя из проведенного анализа, представляется возможным выявить различие между вербальным и жестовым способами концептуализации качества «хитрый», которое заключается в наличии мимической составляющей, которая не получает вербальной фиксации в словарях звучащего русского языка. Помимо этого, расхождение возникает в результате избирательности жестовой репрезентации, вследствие которой

одновременная передача нескольких характеристик часто не представляется возможной.

Жест УГРЮМЫЙ при исполнении имеет локализацию – лицо. Говорящий располагает обе руки на уровне глаз. Пальцы растопырены, но потом слегка сгибаются, и руки опускаются с верхней половины лица до нижней (конечный сеттинг – подбородок). Данные компоненты жеста передают гнетущее, безрадостное состояние человека, которое раздрает его изнутри. Результатом данного состояния является отсутствие хорошего настроения и мрачность. Это дополнительно подчеркивается мимикой говорящего, который нахмурен во время исполнения данного жеста.

Обращение к словарной дефиниции прилагательного «угрюмый» в русском звучащем языке указывает на концептуальный признак мрачности и неприветливости (мрачный, неприветливый, неотрадный) [Там же]. Выявленные концептуальные признаки позволяют говорить о частичном совпадении жестовой и вербальной концептуализации данной черты характера. Это проявляется в том, что в русском жестовом языке такая характеристика угрюмости, как «необщительность» не фиксируется. Исполнение жеста указывает на хмурость как единственный репрезентированный признак.

Ещё один жест, который можно отнести к данной группе – жест ЛИЦЕМЕРНЫЙ. В ходе его исполнения указательный палец правой руки исполнителя прикасается к лицу в области межбровья, а затем к затылку.

В толковом словаре значение прилагательного «лицемерный» трактуется как «отличающийся лицемерием, исполненный лицемерия (поведения, прикрывающее неискренность, злонамеренность притворным чистосердечием, добродетелью)» [Там же]. По исполнению этого жеста можно заметить, что в русском жестовом языке это слово тоже имеет корень «лицо», а прикосновение к затылку может ассоциироваться с неискренностью и притворством двуличного человека, у которого есть «задняя мысль».

Как и в случае с жестом УГРЮМЫЙ, жестовая концептуализация лексической единицы ЛИЦЕМЕРНЫЙ частично совпадает с его вербальной концептуализацией. В русском жестовом языке в качестве ведущей концептуальной характеристики выделяется двуличие, тогда как указание на злонамеренность не обнаруживается ни в одном из элементов жеста.

Второй способ концептуализации заключается в концептуализации знаний о чертах характера личности на основе ориентированности на коммуникативного партнера или предмет речи. К данной группе представляется возможным отнести такие жесты, во время реализации которых говорящий выполняет движения от себя в сторону собеседника или условного предмета ситуации, т.е. он направлен на них (АМБИЦИОЗНЫЙ, ЧЕСТНЫЙ, ПУНКТУАЛЬНЫЙ, МУДРЫЙ, ВРАЖДЕБНЫЙ):

Так, воспроизведение жеста АМБИЦИОЗНЫЙ можно разделить на два этапа. На первом этапе правая ладонь совершает траекторное движение снизу вверх от корпуса до середины лица говорящего. На втором этапе правая рука опускается до уровня груди, подключается вторая рука. Пальцы обеих рук разведены и полусогнуты, руки по очереди движутся вперед-назад по небольшому вектору. Подобное исполнение жеста может означать твердую уверенность человека в своих силах, а также необходимость приложения усилий для достижения поставленных целей.

В русском звучащем языке данная черта характера интерпретируется как обостренное самолюбие, а также спесивость, чванство [Там же]. Второе значение данного качества определяется в словаре как наличие «претензии, притязания на что-нибудь в неодобрительном значении» [Там же]. Сопоставление словарного значения прилагательного АМБИЦИОЗНЫЙ в русском звучащем языке и его жестовой репрезентации позволяет предположить, что первая часть реализации жеста отражает первое значение слова в словаре (обостренное самолюбие, спесивость, чванство), так как по своему исполнению напоминает задирание носа, высокое самомнение. Вторая часть (как следствие первой) может показывать желание человека

карабкаться по жизни всеми силами, прибрать к рукам желаемое, приблизить его.

Соответственно, имея частичное семантическое сходство в плане выявленных концептуальных характеристик, данная черта характера концептуализируется вербально и жестово по-разному: в русском жестовом языке не наблюдается ярко выраженной отрицательной оценки, которая в русском звучащем языке проявляется через употребление в словарной статье таких слов, как спесивость (исполненный надменности, высокомерия) и чванство (тщеславная гордость).

Жест ЧЕСТНЫЙ выполняется двумя руками синхронно. Выбранными пальцами для исполнения этого жеста являются указательный, средний и большой. Кончики этих пальцев обеих рук соединены, остальные пальцы находятся в закрытой позиции. Обе руки поднимаются до уровня плеч, а затем кисти в описанных формах совершают короткое движение от говорящего в сторону другого участника коммуникативного акта.

Доминирующая часть представителей русской лингвокультуры используют прилагательное «честный» по отношению к людям, которые проникнуты искренностью и прямоотой и являются добросовестными. Они заслуживают уважения и безупречны [Там же]. Прямое движение от говорящего к собеседнику может символизировать прямооту, с которой человек готов правдиво высказать все, что у него на уме. Однако, в жесте не получают фиксации такие характеристики собеседника, как незапятнанность и почтительное отношение к нему.

В этой связи, можно утверждать, что несоответствие вербальной и жестовой концептуализации качества «честный» основано на селективности жестовой репрезентации, вследствие которой симультанно возможно передать меньшее количество характеристик. В качестве ведущей характеристики для носителей русского жестового языка отобрана прямолинейность.

Ещё один пример из данной группы – жест ПУНКТУАЛЬНЫЙ. Во время его исполнения указательный палец правой руки подносится к губам, а потом направляется к запястью левой руки и показывает на него (как будто на наручные часы). Затем большой и указательный пальцы левой и правой рук соприкасаются и две руки отдаляются друг от друга, изображая натянутую нить. Данный жест можно интерпретировать как исполнение человеком какого-либо действия в точно назначенный срок / в определенное время, как и было обговорено.

В русском жестовом языке, как и в русском звучащем языке, пунктуальность ассоциируется с часами и со временем. Определение из толкового словаря С.И. Ожегова описывает пунктуальность как качество, при котором человек очень точен, аккуратен в исполнении чего-нибудь [Там же]. Следовательно, в рамках жестовой концептуализации акцентируется лишь одно свойство данной черты характера, четкость выполнения действия относительно времени. Такое свойство, как аккуратность в жесте не закрепляется.

Жест МУДРЫЙ исполняется только правой рукой. Кончики всех пальцев этой руки соединены, но, достигая уровня глаз, они разъединяются и выпрямляются, имитируя небольшой взрыв. Подобное воспроизведение жеста, репрезентирующего данное человеческое качество, может обозначать обладание чрезмерным количеством знаний, которое поражает окружающих / так много знаний и жизненного опыта, что не помещается в голове.

В русском звучащем языке прилагательное «мудрый» имеет два значения в своем понятийном поле: 1. обладающий большим умом; 2. основанный на больших знаниях, опыте [Там же].

Третий способ концептуализации заключается в концептуализации знаний о чертах характера личности на основе оценочного суждения. В данную группу входят жесты, в реализации которых есть негативный оценочный элемент. Все жесты данной группы (ЖЕСТОКИЙ, ГРУБЫЙ, НЕДОВОЛЬНЫЙ, НЕПОСЛУШНЫЙ) содержат компонент критики и

порицания, что выражено через стремительное движение правой руки вниз во время их воспроизведения.

Так, в исполнении жеста ГРУБЫЙ участвуют указательный и большой пальцы правой руки, которые выпрямлены и перпендикулярны, остальные пальцы в кулаке. Говорящий поднимает правую руку до уровня плеча, а потом совершает резкое движение вниз по диагонали до груди. Данный жест можно интерпретировать как склонность к поведению, при котором человек ведет себя дерзко.

В свою очередь, словарная дефиниция лексической единицы русского звучащего языка «грубый» определяет ее употребление в адрес недостаточно культурного, неделикатного, нечуткого, нетонкого человека [Там же]. Данный факт позволяет отметить, что жест ГРУБЫЙ, указывающий на данную черту характера, фиксирует практически такое же значение, что и вербальный знак, за исключением характеристики воспитанности и культурности.

Другой жест из данной группы (ЖЕСТОКИЙ) выполняется одной рукой. Все пальцы говорящего выпрямлены. Средним пальцем исполнитель касается груди в области сердца, а затем имитирует падение вниз. Описанное исполнение фиксирует такую основную концептуальную характеристику, как бессердечность. Оно также может указывать на источник жестокости, которая является следствием потери сердца, символа и сосредоточения души, переживаний и чувств.

По определению толкового словаря, жестоким считается человек, который крайне суров, безжалостен, беспощаден [Там же]. Соответственно, в русском звучащем языке профилируется такая характеристика, как немилосердность и бесчеловечность. Жест, в свою очередь, фокусируется на первопричине ужасного поведения.

В ходе воспроизведения жеста НЕДОВОЛЬНЫЙ правая рука с раскрытой ладонью поднимается до центра груди, делает движение захвата. Затем она принимает форму кулака и падает вниз. Данное исполнение жеста

можно трактовать как ком неудовлетворенности и раздражения, который становится одним большим недовольством.

Для носителей русского звучащего языка недовольным является человек, испытывающий или выражающий неудовлетворение, недовольство, т.е. отсутствие удовлетворенности, отрицательное отношение к кому-нибудь или чему-нибудь [Там же]. В связи с этим можно заключить, что вербальный знак включает в себя не только ощущение негодования, но и его открытое проявление, в то время как жест фиксирует лишь его наличие.

Жест НЕПОСЛУШНЫЙ выполняется правой полусогнутой ладонью, которая поднимается к правому уху, слегка касается его, а затем по зигзагообразной траектории опускается вниз. Такая реализация жеста указывает на постепенную утрату внимания к тому, о чем говорит коммуникативный партнер.

В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова отмечается, что прилагательное «непослушный» используется в отношении человека, который не повинует, не слушается или действует наперекор [Ожегов, 2008]. В свою очередь, жест, выступающий единицей номинации данной черты характера, фиксирует лишь характеристику игнорирования слов собеседника, не отображая желание действовать ему назло.

Таким образом, специфика жестовой репрезентации черт характера личности отчетливо проявляется только в результате сопоставления со звучащим языком. Она заключается в ее четкой ориентированности на визуальную репрезентацию конкретного проявления данной характеристики, что может выступать базисом для выявления способов жестовой концептуализации.

Одним из ведущих способов концептуализации для категории «Характеристика» является ориентированность на исполнителя жеста как субъекта-носителя данной черты характера. Интерпретационный анализ позволяет указать на такую особенность данной группы жестов, как фокус на

внутренние переживания говорящего (3 из 5 жестов), а также на источник его поведенческих паттернов (2 из 5 жестов).

Второй способ концептуализации знаний о характере человека основан на ориентированности на собеседника или предмет речи. В данную группу входят жесты, которые направлены на внешний мир и эксплицируют отношение говорящего к собеседнику. В русском звучащем языке черты характера репрезентированы лексическими единицами, которые включают в себя множество характеристик. Однако, жесты отображают лишь одно из многих значений либо профилируют новую характеристику (5 из 5 жестов). Это во многом объясняется невозможностью симультанной трансляции нескольких характеристик в рамках визуально-кинетической модальности.

Третий способ концептуализации является менее распространенным. Он репрезентирован группой жестов, содержащих в себе оценочный элемент. Особенностью жестов данной группы является наличие компонента (движение руки, направленное вниз), который визуализирует неодобрение и осуждение говорящего в отношении определенной черты характера, которая воспринимается как наиболее выделенная в сознании. В отдельных случаях негативная оценка сопровождается указанием на источник плохого поступка (1 из 5 жестов).

2.2.3. Жестовая репрезентация человека как существа социального (профессиональная деятельность человека)

С первых секунд жизни каждый человек становится гражданином государства, в котором он рождается, и частью социума, проживающего на территории этого государства. В ходе взаимодействия с другими представителями общества проявляется социальная сущность человека и его позиция, которую он активно реализует через участие в социальной жизни.

В области психологии понятие «позиция» изучается как позиция личности. Б.Г. Ананьев рассматривает позицию личности в обществе

(социальная, экономическая, политическая) как социальные роли, выполняемые человеком в зависимости от его положения и политической обстановки [Ананьев, 1996]. Ученый утверждает, что такие роли требуют образцового поведения от любого индивида, занимающего данную позицию. Другой отечественный ученый И.С. Кон также выделяет социальную позицию, которую характеризует как место человека в структуре социальных отношений, иными словами, его социальную роль [Кон, 1989].

Любой человек в социуме является носителем множества социальных ролей. Социальной ролью считается совокупность ожиданий и требований, предъявляемых обществом к лицам, занимающим определенную позицию [Эфендиев, 2007]. Ожидания могут быть зафиксированы в институционализированных социальных нормах (юридических документах, положениях, уставах и т. д.) или носить характер обычаев, нравов. Социальные роли также тесно связаны с профессией или профессиональной деятельностью, осуществляемой личностью. Это обусловлено, прежде всего, тем, что профессия является социальной характеристикой человека, указывающей на его принадлежность к определенной категории людей, которые занимаются одинаковым видом трудовой деятельности.

В международном словаре жестовых языков *Spread the Sign* представлено 238 русских жестов, которые выступают единицами номинации различных профессий. В результате концептуального анализа данных жестов стало возможным выделить две особенности жестовой репрезентации профессий в русском жестовом языке.

Первая особенность концептуализации заключается в профилировании в жестовом языке наиболее значимого концептуального признака, указывающего на ключевую составляющую специальности, с точки зрения носителей русского жестового языка. К такому концептуальному признаку относится функциональная уникальность той или иной профессии. Изображение концептуально выделенного признака всегда дополняется элементами жеста, которые обозначают человека как актанта работы

(указательный и большой пальцы выпрямлены, но согнуты в фалангах и направлены в сторону собеседника. Остальные пальцы в закрытой позиции. Правая рука опускается до середины живота).

В качестве примеров, иллюстрирующих данную особенность жестовой концептуализации, можно привести такие жесты, как АРХИТЕКТОР, ЖУРНАЛИСТ, КОНСУЛЬТАНТ, МУЗЫКАНТ, ОФИЦИАНТ, ПОВАР, ПРОГРАММИСТ, СЕКРЕТАРЬ, МАССАЖИСТ.

Так, жестовая концептуализация профессии «архитектор» отображает только одну из главных функций специалистов данной сферы деятельности. Воспринимая архитектора как специалиста, который занимается проектированием зданий, кварталов и интерьеров и в обязанности которого входит, в первую очередь, создание идеи здания и визуализация проекта в виде макета, носители жестового языка кодируют в жесте такое функциональное проявление деятельности архитектора, как составление схематического плана строительного объекта. В процессе исполнения жеста АРХИТЕКТОР указательный и большой пальцы обеих рук соединены, другие пальцы находятся в открытой позиции. Правая рука поднимается до уровня груди и принимает горизонтальное положение. Левая рука располагается под ней параллельно. Обе руки начинают очерчивать круги по часовой стрелке от себя в сторону собеседника. Затем левая рука опускается, а правая поднимается до середины лица. Указательный и большой пальцы выпрямлены, но согнуты в фалангах и направлены в сторону собеседника. Остальные пальцы в закрытой позиции. Рука опускается до середины живота. В перечисленных компонентах жеста на основной концептуальный признак данного вида профессиональной деятельности – создание чертежей для сооружений – указывают круговые движения рук.

Работа консультанта выполняется профессиональным экспертом, который предоставляет консультационные услуги в определенной области (финансы, маркетинг, машиностроение и т.д.). Данный эксперт представляет собой посредника, который, опираясь на личный опыт и обширные познания

предмета, подробно рассказывает о том, как можно решить возникшую проблему или улучшить сложившуюся ситуацию.

В свою очередь, жест КОНСУЛЬТАНТ отображает всю сущность данной работы и ее коммуникативную основу через единственный концептуальный признак: постоянное общение с клиентами с целью поделиться профессиональными рекомендациями. Во время воспроизведения данного жеста обе руки симметричны. Все пальцы в закрытой позиции, за исключением указательных, которые выпрямляются. Обе руки поднимаются до уровня лица. Указательные пальцы обеих рук по очереди прикасаются к уголкам рта 2 раза. Затем левая рука опускается, а правая поднимается до середины лица. Указательный и большой пальцы выпрямлены, но согнуты в фалангах и направлены в сторону собеседника. Остальные пальцы в закрытой позиции. Рука опускается до середины живота. Таким образом, главная характеристика профессии, при которой ее представитель очень часто беседует с людьми или устно передает им большое количество информации, прослеживается в исполнении такого компонента жеста, как прикосновение пальцев к уголкам рта.

Профессия журналиста предполагает выполнение широкого спектра задач, начиная от сбора информации, её распространения в средствах массовой информации, заканчивая написанием текстов, серьёзных публицистических статей в газетах, журналах, сетевых изданиях и созданием аудио- и визуального контента (репортажей, статьей, интервью и т.д.). К представителям данного рода занятости также относят репортёров, выходящих на улицу для комментирования новостей, редакторов новостей на интернет-порталах и дикторов на радио или телевидении.

Носители русского жестового языка в рамках визуально-модальной репрезентации данной профессии выделяют минимум функционала работников этой сферы. Для них написание статей является основной обязанностью журналиста, на что указывают определенные компоненты жеста ЖУРНАЛИСТ. Упомянутый жест исполняется левой ладонью, которая

выпрямлена и поднимается до уровня груди. Пальцы правой руки выпрямлены и находятся под углом 90 градусов. Они прикасаются к внутренней стороне левой ладони, проводят линию по ней, а затем один раз прикасаются к ее середине. Далее левая рука опускается, а правая поднимается до середины лица. Указательный и большой пальцы выпрямлены, но согнуты в фалангах и направлены в сторону собеседника. Остальные пальцы в закрытой позиции. Рука опускается до середины живота. Следовательно, элементы реализуемого жеста (выпрямленная левая рука, которая выступает в роли бумаги; движения правой руки, которая имитирует запись строк текста) указывают на то, что в основе жестовой концептуализации данной профессии лежит такой признак, как написание статей для прессы и печатных изданий.

Профессия музыканта также является многогранной и охватывает большой ряд различных направлений, связанных с музыкальной сферой. К профессиональным музыкантам, в первую очередь, относят тех, кто играет на каком-либо музыкальном инструменте. В эту категорию можно причислить и других представителей творческой среды: композиторов, дирижеров, музыкальных критиков, вокалистов, диджеев, аранжировщиков.

Из огромного перечня специальностей, которые входят в музыкальную сферу, в жесте МУЗЫКАНТ избирается и фиксируется лишь главная обязанность дирижера, который руководит целой группой музыкантов, играющих на разных инструментах, и обеспечивает стройное звучание музыки. Для исполнения данного жеста в русском жестовом языке необходимо соединить указательный и большой пальцы обеих рук. Другие пальцы выпрямлены и растопырены. Обе руки одновременно поднимаются до уровня плеч, совершают полукруговое движение вниз и обратно. Затем левая рука опускается, а правая поднимается до середины лица. Указательный и большой пальцы выпрямлены, но согнуты в фалангах и направлены в сторону собеседника. Остальные пальцы в закрытой позиции. Рука опускается до середины живота. В описанном жесте такой элемент, как

перемещение соединенных указательных и больших пальцев обеих рук по полукруговой траектории, профилирует характерные движения дирижеров, которые руками управляют выступлением оркестра и их музыкальной композицией.

Официант – это сотрудник ресторана, бара, кафе или другого заведения общественного питания, принимающий заказы и обслуживающий посетителей. В каждом заведении существуют свои требования к работе персонала. В соответствии с ними официанты приветствуют клиентов, оформляют и сервируют столы согласно заданному образцу и общепринятому этикету.

В свою очередь, данная профессия представлена в русском жестовом языке жестом ОФИЦИАНТ, в семантике которого заложен лишь один концептуальный признак. В процессе воспроизведения данного жеста правая рука поднимается к левому плечу. Указательный и большой палец выпрямлены и растопырены. Остальные пальцы соединены. Они совершают легкое круговое движение около левого плеча. Потом правая рука двигается по диагонали до уровня правого уха. Все пальцы растопырены. Говорящий совершает движение вверх по спирали, как будто держит поднос. Таким образом, последний компонент жеста фиксирует одну из главных обязанностей представителей данной профессии – подачу блюд гостям заведения.

Номинативная единица «повар» репрезентирует человека, который профессионально занимается приготовлением пищи для общественного питания. Кроме самого приготовления повар несет ответственность за подготовку продуктов: проверить их на свежесть, помыть, порезать, почистить.

В русском жестовом языке представитель данной профессии обозначается с помощью жеста ПОВАР, у которого представлено два варианта исполнения в международном словаре жестовых языков. В первом варианте обе руки зажаты в кулак. Правая рука располагается над левой.

Говорящий совершает два круговых движения против часовой стрелки. Во втором варианте обе руки поднимаются до уровня груди. Указательный и средний пальцы обеих рук выпрямлены и рассоединены. Большие пальцы соединены с оставшимися. Говорящий по очереди двигает выпрямленными пальцами вверх-вниз, повторяя движение два раза. Оба варианта реализации жеста отображают разные движения, свойственные поварам во время приготовления блюд. Один из них показывает процесс перемешивания (круговые движения зажатými кулаками, как будто человек держит половник), а другой – нарезания ингредиентов (повторяющееся движение вверх-вниз выпрямленными пальцами рук, имитация работы с ножами). Соответственно, носители русского жестового языка выделяют такие основные виды деятельности поваров, как нарезка, а также смешивание составляющих блюда.

Профессиональная деятельность программиста предполагает разработку алгоритмов и компьютерных программ, а также создание исходного кода для программы. Такой программой может быть операционная система компьютера, видеоигра, web или мобильное приложение и даже алгоритм работы микроволновки. Для написания программного кода специалисту необходимо владеть особым языком программирования.

Русский жест ПРОГРАММИСТ передает суть данной профессии посредством демонстрации трудового процесса, который состоит из создания четкой структуры, алгоритмов для программ. Рассматриваемый жест исполняется левой выпрямленной ладонью, которая расположена перед говорящим на уровне плеч. Все пальцы соединены. Ребро правой руки, которая находится в такой же конфигурации, прикасается к внутренней части левой ладони в разных точках, постепенно опускаясь вниз. Затем левая рука опускается, а правая поднимается до середины лица. Указательный и большой пальцы выпрямлены, но согнуты в фалангах и направлены в сторону собеседника. Остальные пальцы в закрытой позиции. Рука

опускается до середины живота. Таким образом, специфика исполнения жеста позволяет рассматривать такие компоненты описанного жеста, как левая выпрямленная ладонь, которая выполняет роль компьютерного монитора, а также правая рука, которая двигается вниз и показывает структуру алгоритма, в качестве компонентов, фиксирующих самую основную функцию программистов – написание кода.

Человек, который занимает должность секретаря, является помощником руководителя. В то время, как руководитель занимается решением глобальных производственных вопросов, секретарь обеспечивает административную и управленческую деятельность. Он занимается составлением и оформлением документов, приказов, договоров и других деловых бумаг, организационными вопросами, обеспечивает рабочую обстановку своему начальнику.

Жестовая концептуализация рассматриваемой профессии профилирует такие ключевые характеристики данного вида трудовой деятельности, как ведение записей и работа с документами. В ходе воспроизведения жеста СЕКРЕТАРЬ левая ладонь выпрямлена, находится на уровне груди и принимает горизонтальную позицию. Все пальцы соединены. Правая ладонь в такой же конфигурации, однако пальцы расположены под углом 90 градусов. Кончики пальцев правой руки прикасаются к внутренней стороне левой ладони. Они совершают движение от ее середины к кончикам пальцев, которое повторяется два раза. Затем левая рука опускается, а правая поднимается до середины лица. Указательный и большой пальцы выпрямлены, но согнуты в фалангах и направлены в сторону собеседника. Остальные пальцы в закрытой позиции. Рука опускается до середины живота. Соответственно, такой компонент данного жеста, как движение правой рукой по выпрямленной левой ладони, указывает на то, что работник ведет документацию.

Представители такой профессии, как швея, являются работниками ателье или швейных фабрик. В их обязанности входит изготовление изделий

из тканей и других материалов вручную или посредством использования полуавтоматических и автоматических машин.

В качестве концептуализируемого признака профессии, который воспринимается как наиболее значимый носителям русского жестового языка, выступает работа за швейной машинкой. Жест ШВЕЯ является двуручным с симметричным исполнением. Обе ладони выпрямлены, все пальцы соединены. Руки располагаются на уровне груди параллельно полу. Говорящий совершает два коротких движения вперед-назад. Затем левая рука опускается, а правая поднимается до середины лица. Указательный и большой пальцы выпрямлены, но согнуты в фалангах и направлены в сторону собеседника. Остальные пальцы в закрытой позиции. Рука опускается до середины живота. Представленные компоненты жеста демонстрируют направление ткани под иглу швейной машинки. Данный факт (наличие швейного оборудования) указывает на то, что жест ШВЕЯ относительно недавно введен в язык или преобразован под влиянием современных реалий.

Работу массажиста выполняет специалист, который мануально или с помощью специальных приспособлений воздействует на мягкие ткани и кожные покровы человека с целью улучшить его самочувствие.

В русском жесте МАССАЖИСТ получает фиксацию одно из движений, которое совершает представитель данной профессии во время рабочего процесса – массажирование тела с помощью захвата ладонями части кожи. Для воспроизведения указанного жеста обе руки должны быть расположены перед говорящим. Они параллельны полу и вытянуты вперед на уровне груди. Пальцы выпрямлены, но затем исполнитель жеста сжимает их. Указательный и большой пальцы выпрямлены, но согнуты в фалангах и направлены в сторону собеседника. Остальные пальцы в закрытой позиции. Рука опускается до середины живота. Такой компонент описанного жеста, как сжатие пальцев, можно интерпретировать как разминание плеч клиента.

Вторая выявленная в рамках проведенного анализа особенность жестовой репрезентации категории «профессии» заключается в гендерной маркированности жестов. Некоторые элементы жестов (ОФИЦИАНТКА, МАССАЖИСТКА, МАШИНИСТКА), которые обладают такой особенностью, указывают на принадлежность представителя репрезентируемой профессии к женскому полу. Данная особенность проявляется через особую совокупность жестовых компонентов, которая характерна для составляющих этой группы и выполняет функцию феминитива: прикосновение ребром правой руки (кончик указательного пальца) к подбородку. Данное жестовое иконическое изображение может символизировать коммуникативную открытость, общительность женщин.

Например, жест ОФИЦИАНТКА почти повторяет жест ОФИЦИАНТ. Однако, в нем исключается такой элемент, как круговое движение около левого плеча. Сохраняется только движение правой рукой по спирали. После него правая рука выпрямляется, все пальцы сомкнуты. Рука вертикальна и кончиком указательного пальца исполнитель два раза прикасается к подбородку справа. Таким образом, жест отображает вынос еды.

Следовательно, в описанном жесте выделяется такой концептуальный признак, как вручение заказа посетителям заведения, но также обозначается, что данную работу выполняет девушка.

Во время исполнения жеста МАССАЖИСТКА говорящий сначала кончиком указательного пальца правой руки два раза прикасается к своему подбородку. Затем он повторяет движения, которые входят в жест МАССАЖИСТ (обе руки расположены перед исполнителем, параллельны полу и вытянуты вперед на уровне груди. Пальцы выпрямлены, но затем исполнитель жеста сжимает их). Соответственно, отличие указанных двух жестов заключается лишь в профилировании гендера человека, который занят описанной трудовой деятельностью.

Профессия машиниста предполагает управление машинами, которые различаются по типу и назначению: локомотивы, краны, погрузчики,

экскаваторы. В свою очередь, жест МАШИНИСТКА отображает вождение абстрактного транспортного средства женщиной. Воспроизведение жеста можно разделить на 2 этапа. Сначала он исполняется двумя руками, которые зажаты в кулак и располагаются перед говорящим. Руки по очереди поднимаются и опускаются по полукруглой траектории, демонстрируя управление транспортом с помощью руля. Потом левая рука опускается, а правая выпрямляется, все пальцы сомкнуты. Рука вертикальна, и кончиком указательного пальца исполнитель два раза прикасается к подбородку справа, что, в свою очередь, служит для указания на гендерную принадлежность человека данной профессии.

Таким образом, специфика жестовой концептуализации категории «Профессии» заключается в выделении одного ключевого признака, который, по мнению носителей русского жестового языка, передает всю суть рода занятости обладателей этого профессионального статуса. Данная особенность справедлива в отношении подавляющего количества жестов русского жестового языка (14 из 14 анализируемых жестов).

Другая особенность жестовой репрезентации профессий состоит в указании на гендер представителя профессии. Женский пол обозначается с помощью специальных компонентов жеста (прикосновение кончиком указательного пальца правой руки к подбородку), которые также выражают такое качество, как болтливость, традиционно приписываемое женщинам. Данная особенность характерна для достаточно малочисленной группы (3 из 14 анализируемых жестов).

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

1. С течением времени восприятие человеком самого себя претерпевало изменения. История развития философской мысли позволяет выделить в концептуальной сфере ЧЕЛОВЕК такие основные аспекты, как физиологический (тело человека), психологический (личность человека), социальный (гражданская позиция/ социальная роль).

2. Жестовая репрезентация частей тела человека имеет ряд особенностей, в основе которых лежит такой параметр, как возможность визуального восприятия органа или части тела. Данный параметр определяет способы жестовой концептуализации:

- концептуализация знаний об органах/частях тела человека, которые находятся в поле зрения собеседника;

- концептуализация знаний об органах/частях тела человека, которые находятся вне поля зрения собеседника, но в пределах физиологической возможности человека указать на них;

- концептуализация знаний об органах/частях тела человека, которые находятся наиболее дистанцированы относительно поля зрения собеседника.

3. Части тела, находящиеся на уровне глаз собеседника получают прямое указание. Жесты, входящие в данную группу и обозначающие части лица, исполняются указательным пальцем (10 из 11 жестов). В этой группе выделяется особая подгруппа жестов (4 жеста), исполнение которых основано на повторении формы органа.

Обозначение крупных частей тела, туловища и верхних конечностей, осуществляется с помощью ладони (7 из 9 жестов), которая также очерчивает и демонстрирует их пределы. Внутренние органы, находящиеся в брюшной полости, обозначаются средним пальцем (4 из 5 жестов), поскольку недоступны для зрительного восприятия.

Особенность жестовой репрезентации нижних конечностей заключается в их замещении левой рукой (5 из 9 жестов), которая служит их моделью, а также имитирует их движения.

4. Специфика жестовой репрезентации черт характера личности четко проявляется при сравнении семантики жестов со словарными дефинициями в звучащем языке. Анализ жестов русского жестового языка, репрезентирующих категорию «Характеристики», позволил выявить три главных способа жестовой концептуализации данной категории:

- жесты с вектором направленности на говорящего;
- жесты с вектором направленности на коммуникативного партнера или предмет речи;
- жесты с вектором направленности вниз, выражающие негативную оценку.

5. Концептуализация знаний о характере человека с вектором направленности на говорящего характеризуется ориентированностью исполнителя жеста на самого себя как субъекта-носителя репрезентируемой черты характера. Особенностью данной группы жестов является сосредоточенность на внутренних переживаниях говорящего (3 из 5 жестов), а также на причине его поступков (2 из 5 жестов).

Концептуализация знаний о характере человека с вектором направленности на собеседника или предмет речи предполагает ориентацию на внешний мир и открытое выражение отношения говорящего к коммуникативному партнеру. Жесты данной группы могут фиксировать одно из многих значений либо профилировать новую характеристику (5 из 5 жестов). Данная особенность обусловлена визуально-кинетической модальностью, на которой построен русский жестовый язык и при которой одновременная передача более одной характеристики часто не представляется возможной.

Концептуализация знаний о характере человека с вектором направленности вниз характерна для группы жестов, содержащих в себе

оценочное суждение. Особенностью жестов данной группы является наличие особого компонента (движение руки, направленное вниз), который экспонирует негативное отношение и порицание говорящим определенной черты характера. В редких случаях помимо отрицательной оценки в жесте может содержаться указание на причину проявления дурного поведения (1 из 5 жестов).

6. Специфика жестовой концептуализации категории «Профессии» в русском жестовом языке заключается в отборе одного существенного признака, представляющего главную обязанность обладателей этого профессионального статуса. Данная особенность присуща большинству жестов, репрезентирующих представителей различных профессиональных сфер в русском жестовом языке (14 из 14 жестов).

Жестовая репрезентация профессий в русском жестовом языке может сопровождаться гендерной маркированностью. Женщины как работницы определенной трудовой сферы обозначаются с помощью специального компонента жеста – прикосновения кончиком указательного пальца правой руки к подбородку. Описанный компонент также выражает такое качество, как разговорчивость, которая обычно считается женской чертой. Данная особенность является наименее частотной (3 из 14 жестов).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Магистерская диссертация посвящена описанию специфики русского жестового языка как одного из основных средств коммуникации для определенной социальной группы (глухих и слабослышащих людей) и особой системы фиксации концептуальных смыслов.

Результаты всей человеческой жизнедеятельности интегрируются в сознании в единую картину мира, которая фиксирует сущностные свойства окружающей действительности в понимании ее носителя и лежит в основе его мировоззрения. Картина мира может быть закодирована языковыми средствами, предоставляющими доступ ко всем концептам, которые являются глобальными мыслительными единицами и квантами структурированного знания. Данный факт обуславливает существование огромного числа языковых кодов, которые не только способствуют актуализации концептов, но также дают возможность наиболее полно раскрыть содержание отдельных концептов или совокупности концептов, которые образуют сложную концептосферу.

На протяжении долгих лет научное освещение получали лишь звучащие языки, так как они всегда находились в повседневном использовании основного населения планеты. Жестовые языки, которые опираются на визуально-мануальную модальность, длительное время не представляли лингвистического интереса ввиду ограниченности числа их носителей. Это привело к сравнительно слабой документированности данной семиотической системы. Однако, глубокие исследования американского ученого У. Стоуки в 1960-х доказали, что жестовые языки представляют собой полноценные автономные языковые системы. Данный факт обратил внимание лингвистов на проблематику жестовых языков и привел к появлению трудов, посвященных таким языкам.

Несмотря на первые попытки изучения русского жестового языка, которые были предприняты в XIX веке В.И. Флэри, фундаментальные

исследования этого языка были проведены Г.Л. Зайцевой и И.Ф. Гейльманом в 2000-х гг. На данный момент русский жестовый язык только набирает популярность и все чаще фигурирует в качестве объекта лингвистических исследований. Это обуславливает актуальность научных работ по русскому жестовому языку. В свою очередь, изучение процесса концептуализации в данной языковой системе и продуктов данного процесса, которые представлены в виде концептов, до сих пор является наименее разработанной областью.

Концептуальная сфера ЧЕЛОВЕК имеет сложную структуру и включает в себя множество различных аспектов. Наследие философской мысли позволяет выделить в ней такие основные аспекты, как физиологический (тело человека), (личность человека), социальный (социальная роль человека).

Анализ 80 жестов русского жестового языка, которые репрезентируют вышеуказанные аспекты проявления человека, приводит к выявлению особенностей и способов жестовой концептуализации разных категорий концептуальной сферы ЧЕЛОВЕК.

Физиологический аспект проявления человека представлен категорией «Анатомия» и жестами-соматизмами, которые репрезентируют ее. Данный аспект осмысливается относительно трех основных способов, в основе которых лежит возможность зрительного восприятия части тела: (1) концептуализация знаний о частях тела, расположенных в диапазоне зрительной перцепции коммуникативного партнера и в зоне реализации жестов, осуществляется на основе прямого указания (например, части лица обозначаются указанием на них с помощью указательного пальца правой руки (91 % жестов) или повторением формы органа (36% жестов)); (2) концептуализация знаний об органах/частях тела человека, расположенных вне диапазона зрительной перцепции коммуникативного партнера, но в пределах физиологической возможности человека указать на них (так, крупные участки тела, части туловища и верхних конечностей,

обозначаются ладонью (78 % жестов), а внутренние органы – средним пальцем (80% жестов)); (3) концептуализация знаний об органах/частях тела человека, расположенных далеко за пределами диапазона зрительной перцепции коммуникативного партнера (нижние конечности заменяются левой рукой (56 % жестов), которая выполняет роль их манекена с целью предоставления визуальной опоры для собеседника).

Психологический аспект проявления человека представлен жестами из категории «Характеристики», репрезентирующими черты характера человека. Жесты данной категории могут быть разделены на 3 группы в зависимости от способа концептуализации: (1) ориентированность на исполнителя жеста как субъекта-носителя черты характера, специфика репрезентации которой заключается в фокусе на внутренние переживания говорящего (60 % жестов) и причины определенной модели поведения (40 % жестов); (2) ориентированность на коммуникативного партнера или предмет речи, особенность которой заключается в профилировании новой характеристики, отчетливо проявляющейся в результате сравнения со словарными дефинициями русского звучащего языка (100 % жестов); (3) наличие оценочного элемента, представленного особым компонентом жеста (движение руки, направленное вниз), который позволяет выразить негативное отношение говорящего к какой-либо черте характера.

Социальный аспект проявления человека репрезентирован жестами, которые обозначают представителей разных профессий. У данных жестов можно выделить две особенности: (1) отбор одного ведущего признака, который указывает на главную, по мнению носителей русского жестового языка, профессиональную обязанность носителей определенного профессионального статуса, что присуще всем жестам из категории «Профессии» (100 % жестов); (2) гендерная маркированность, которая выражается через особые компоненты жеста (прикосновение кончиком указательного пальца правой руки к подбородку), указывающие на

принадлежность работников репрезентируемой профессиональной сферы к женскому полу (21% жестов).

Рассмотрение русского жестового языка как особой системы фиксации концептуальных смыслов также возможно на материале жестов других категорий концептуальной сферы ЧЕЛОВЕК (например, категорий чувств и эмоций, взаимоотношений, образования, культуры и др.). Расширение корпуса эмпирического исследования может способствовать получению более основательных выводов о природе русского жестового языка. Более того, исследование может быть продолжено за счет привлечения других жестовых языков и рассмотрения межкультурного аспекта. Это представляет перспективы проведенного исследования и позволит значительно дополнить исследования как по жестовой концептуализации, так и концептуализации в звучащих языках, изучить особенности процесса жестовой коммуникации и расширить изучение жестовых языков различных лингвокультур.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н.Ф. Языковая картина мира и научная картина мира: проблема соотношения // Картина мира: язык, литература, культура. Бийск: БПГУ им. В. М. Шукшина, 2006. Вып. 3. С. 102–107.
2. Ананьев Б.Г. Психология и проблемы человекознания / Под ред. А.А. Бодалева. М.: Издательство «Институт практической психологии». Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. 384 с.
3. Апресян Ю.Д. Избранные труды. М.: Школа «Языки русской культуры». Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. 1995. 767 с.
4. Аристотель. Политика. М.: Академический проект, 2015. 320 с.
5. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность: Антология [Текст] / С.А. Аскольдов. М.: Academia, 1997. С. 267–279.
6. Бардина Н.В. Языковая гармонизация сознания. Одесса: Астропринт, 1997. 271 с.
7. Блох М.Я. Проблема понятий концепта и картины мира в философии языка // Преподаватель XXI век. М.: Прометей; МПГУ, 2007. № 1. С. 101–105.
8. Болдырев Н.Н. Репрезентация знаний в системе языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. №4. С.17–27.
9. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина. 2014. 236 с.
10. Брутян Г.А. Язык и картина мира // Научные доклады высшей школы. Философские науки. М., 1973. №1. С. 84–112.
11. Буркова С.И., Филимонова Е.В. Редупликация в русском жестовом языке // Русский язык в научном освещении. М., 2014. № 28 (2). С. 202–258.

12. Бэкон Ф. Сочинения: В 2 т. М., 1977. 1144 с.
13. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа. М.: УРСС, 2004. 232 с.
14. Введение в лингвистику жестовых языков. Русский жестовый язык: учебник / Коллектив авторов; ред. С.И. Буркова и В.И. Киммельман. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2019. 356 с.
15. Власова Е.А. Соотношение понятий «язык», «культура» и «картина мира» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. №7 (18): в 2-ч ч. Ч. I. С. 61–65.
16. Волжский В. Основы синтетической теории человека. СПб., 1997. 125 с.
17. Выготский Л.С. Педагогическая психология. / Под ред. В. В. Давыдова. М., 1991, 480 с.
18. Гоббс Т. Сочинения в 2 т. Т. 1 / Пер. с лат. и англ.; Сост., ред. изд., авт. вступ. ст. и примеч. В. В. Соколов. М.: Мысль, 1989. 622 с.
19. Драчёва С.И. Экспериментальное исследование вербального содержания этнической концептуальной системы // Текст: структура и функционирование. Вып. 2. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. С. 60–64.
20. Древнеиндийская философия. М., 1972. 271 с.
21. Древнекитайская философия: в 2 т. Т. II. М., 1972. 361 с.
22. Евсюкова Т.В. Лингвокультурология. М.: Флинта; Наука, 2014. 478 с.
23. Жестовые языки: Лингвистика и социальная инклюзия: монография / Л.В. Куликова, О.В. Магировская, С.А. Шатохина, Е.С. Привалихина, А.А. Арский. М.: ФЛИНТА, 2022. 128 с.
24. Зайцева Г.Л. Жестовая речь. Дактилология: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. 192 с.
25. Залевская А.А. Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001. С. 36–44.

26. Исаев Э.Ш. Понятие «концепт» в современной лингвистике // Национальное достояние. №2 (3). 2020. С. 1–5.
27. Камнева В.П., Афанасьева О.О., Харламенков А.Е. Учебное пособие для обучения переводчиков русского жестового языка в профессиональных образовательных организациях и образовательных организациях высшего образования. М., 2016, 165 с.
28. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н.О. Лосского // Кант И. Сочинения: в 8 т. Т. 3. М.: Чоро, 1994. 591 с.
29. Карасик В.И., Стернин И.А. Антология концептов. Волгоград: Парадигма, 2005. 352 с.
30. Киммельман В.И. Нерегулярные отрицания в русском жестовом языке // Материалы конференции МСКЛ-2. М., 2007. С. 89–103.
31. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
32. Колесов И.Ю. Интерпретирующая функция языка: перцептивно-пространственная акцентуация в картине мира // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2020. № 1(37). С. 67–81.
33. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. Шахнарович А.М. (отв.ред.). М.: Наука. 1990. 108 с.
34. Кон И.С. Психология ранней юности: Книга для учителя. М.: Просвещение, 1989. 254 с.
35. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. 245 с.
36. Кронгауз М.А. Семантика. М.: Academia. 2005. 351 с.
37. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. М.: Наука. 1986. 159 с.
38. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. М.: ИЯЗ РАН, 1997. 331 с.

39. Кубрякова Е.С. Языковое сознание и языковая картина мира // Филология и культура: материалы междунар. конф. Тамбов, 1999. С. 6–13.
40. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
41. Кудинова Е.А. Концепт и отражение языковой картины мира // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2008. №8 (15): в 2-х ч. Ч. I. С. 106–107.
42. Кузьмина С.Е. Понятие «концепт» в лингвокогнитивных исследованиях // МОСТ (язык и культура). Bridge. (language and culture), 2011. № 27. С. 24–25.
43. Лазарев М.А. Языковая картина мира: анализ теоретических подходов // Гуманитарное пространство, vol. 3, № 3, 2014. С. 465–475.
44. Лебедев А.В. Фрагменты ранних греческих философов. М.: Наука, 1989. 576 с.
45. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1993. Т. 52. № 1. С. 3–9.
46. Лосев А.Ф. Вводная статья к диалогам Платона // Соч., Т. I. М., 1968. 495 с.
47. Магировская О.В. Репрезентация субъекта познания в языке. М.; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. 223 с.
48. Махаров Е.М. Философия человека. История и онтология современных проблем. 2011. 430 с.
49. Мельник С.Н. Психология личности. 2004. 97 с.
50. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти; пер. с фр. под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. СПб.: Ювента; Наука, 1999. 603 с.
51. Общая социология / под общ. ред. А. Г. Эфендиева. М.: Инфра-М, 2007. 654 с.

52. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2008. 944 с.
53. Охолина И.Е. Концепт досуг в современной русской лингвокультуре / И.Е. Охолина, А.В. Курьянович; под ред. А.В. Курьянович. Томск: Издательство Томского ЦНТИ, 2021. 196 с.
54. Павиленис Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983. 286 с.
55. Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: Едиториал УРСС, 2003. 384 с.
56. Попова З.Д. «Слабые места» публикаций по когнитивной лингвистике (к проблеме унификации и стабилизации лингвокогнитивной терминологии) // Язык. Этнос. Картина мира. 2003. Вып. 1. С. 16–23.
57. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный поход как направление когнитивной лингвистики // *Vita in lingua*: к юбилею профессора С.Г. Воркачева: сб. ст. / отв. ред. В.И. Карасик. Краснодар: Атриум, 2007. С. 171–180.
58. Попова, З.Д. Язык и национальная картина мира / З.Д. Попова, И.А. Стернин. Изд. 4-е, стер. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015. 101 с.
59. Постовалова В.И. Существует ли языковая картина мира? // Язык как коммуникативная деятельность человека. Сб. науч. трудов МГПИИЯ. Вып. 284. М., 1987. С. 65–72.
60. Почепцов О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания. М.: Наука, 1990. №. 6. С. 110–122.
61. Приходько А.Н. Концепт и концептосистемы. Днепропетровск: Белая Е. А., 2013. 307 с.
62. Реформатский А.А. Введение в языковедение. М.: Аспект Пресс, 1996. 536 с.

63. Соколов В.В. Европейская философия XV–XVII веков: Учеб. пособие для филос. фак-тов ун-тов. М.: Высш. шк., 1984. 448 с.
64. Соломоник А.Б. Философия знаковых систем и язык. Минск: МЕТ, 2002. 404 с.
65. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.
66. Суриков И.Е. Сократ. М.: Молодая гвардия, 2011. 384 с.
67. Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001. 800 с.
68. Убийко В.И. Концептосфера человека в семантическом пространстве языка // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 5. С. 37–40.
69. Фесенко Т.А. Реальный мир и ментальная реальность: парадигмы взаимоотношений. Тамбов. Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина. 1999. 247 с.
70. Филимонова Е.В. Функционально-семантическая категория аспектуальности в русском жестовом языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.15. Новосибирск, 2015. 314 с.
71. Флёри В.И. Глухонемые, рассматриваемые в отношении к способам образования, самым свойственным их природе. СПб., 1835. 147 с.
72. Франкфорт Г. В преддверии философии. М., 1984. 236 с.
73. Фролов И. Т., Борзенков В. Г. Человек // Новая философская энциклопедия / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В. С. Стёпин, заместители предс.: А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А. П. Огурцов. 2-е изд., испр. и допол. М.: Мысль, 2010. 2806 с.
74. Хайдеггер М. Время картины мира // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. С. 44–66.
75. Человек // Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. 1-е изд. М.: Большая российская энциклопедия, 1991. 863 с.

76. Человек в панораме веков: история, философия, культура / отв. ред. В.Я. Мауль. Тюмень: ТюмГНГУ, 2012. 164 с.
77. Щур Г.С. Теория поля в лингвистике. Москва: Наука, 1974. 256 с.
78. Языкознание. Большой энциклопедический словарь. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
79. Barakat R.A. Cistercian Sign Language. In: Umiker-Sebeok J, Sebeok TA, editors. Monastic Sign Language. New York: Mouton de Gruyter; 1987. P. 67–322.
80. Battinson R. Lexical Borrowing in American Sign Language. Silver Spring: Linstok Press, 1978. 240 p.
81. Bergman B., Dahl Ö. Ideophones in Sign Language? The Place of Reduplication in the Tense-Aspect System of Swedish Sign Language // Bache C., Basboll H., Lindberg C. E. (eds.). Tense, Aspect and Action. Empirical and Theoretical Contributions to Language Typology. Berlin: Mouton de Gruyter, 1994. P. 397–422.
82. Börstell C. Revisiting Reduplication. Toward a Description of Reduplication in Predicative Signs in Swedish Sign Language: Student thesis. Stockholm, 2011. 82 p.
83. Eguiluz Angoitia A. Fray Pedro Ponce de Leo'n: La Nueva Personalidad del Sordomudo. Madrid: Instituto Profesional de Sordomudos Ponce de Leo'n; 1986. 397 p.
84. Grinevald C. A Morphosyntactic Typology of Classifiers // Systems of Nominal Classification / ed. by G. Senft. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 50–93.
85. Ipsen G. Der alte Orient und die Indogermanen // Stand und Aufgaben der Sprachwissenschaft, Festschrift für W. Streitberg, Heidelberg, 1924. P. 200–237.
86. Johnston T., Schembri A. Australian Sign Language (Auslan). An Introduction to Sign Language Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 323 p.

87. Kimmelman, V. Word order in RSL. An extended report. *Linguistics in Amsterdam* 5 (1), 2012. P. 1–59.
88. Kimmelman, V. *Information Structure in Russian Sign Language and Sign Language of the Netherlands*. 2014. 267 p.
89. Klima E., Bellugi U. *The Signs of Language*. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1979. 417 p.
90. Laitman J.T, Heimbuch R.C. The Basicranium of Plio-Pleistocene Hominids as an Indicator of their Upper Respiratory Systems // *American Journal of Biological Anthropology*. 1982. №3. P. 323–343.
91. Liddel S.K. *Grammar, Gesture and Meaning*. New York: Cambridge University Press, 2003. 384 p.
92. Meir I. Word Classes and Word Formation // Pfau R., Steinbach M., Woll B. (eds.) *Sign Language: An International Handbook*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2012. P. 77–111.
93. Montgomery G, Dimmock A. *Venerable Legacy: Saint Bede and the Anglo-Celtic contribution to literary, numerical, manual language*. Edinburgh, UK: Scottish Workshop Publications, 1998. 325 p.
94. Padden C.A. The ASL lexicon // *Sign Language & Linguistics*. 1998. Vol. 1 (1). P. 39–60.
95. Pfau R., Quer J. Nonmanuals: their grammatical and prosodic role // *Sign languages*. New York: Cambridge University Press, 2010. P. 381–402.
96. Robert J. Ruben *Sign language: Its History and Contribution to the Understanding of the Biological Nature of Language* // *Acta Oto-Laryngologica*, 2005. P. 464–467.
97. Sandler W., Lillo-Martin D. *Sign Language and Linguistic Universals*. New York: Cambridge University Press, 2006. 547 p.
98. Spread the Sign [Электронный ресурс] // URL: <https://www.spreadthesign.com/ru.ru/search/> (дата обращения: 13.05.2022).

99. Stokoe W. Sign Language Structure: An Outline of the Visual Communication Systems of the American Deaf. New York: University of Buffalo, 1960. 78 p.
100. Stokoe W. Language in Hand: Why Sign Came Before Speech. Washington, D.C.: Gallaudet Press, 2001. 227 p.
101. Sutton-Spence R., Woll B. The Linguistics of British Sign Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 299 p.
102. Talmy L. The Relation of Grammar to Cognition // Topics in Cognitive Linguistics / Ed. By Rudzka-Ostyn B. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1988. P. 165–205.
103. Valli C., Lucas C. Linguistics of American Sign Language: An Introduction (3-d edition). Washington, DC, 2000. 493 p.
104. Zeshan Ulrike. Hand, Head and Face-Negative Constructions in Sign Languages. Linguistic Typology 8 (1), P. 1–58.
105. Zwitserlood I. Classifying Hand Configurations in Nederlandse Gebarentaal (Sign Language of the Netherlands). Utrecht: LOT, 2003. 383 p.

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра теории германских языков и межкультурной коммуникации

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой ТГЯиМКК
 О.В. Магировская
« 20 » июня 2022 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ
КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СФЕРА «ЧЕЛОВЕК»
В РУССКОМ ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКЕ

45.04.02 Лингвистика
45.04.02.01 Межкультурная коммуникация и перевод

Магистрант

Р.Д. Аскерова

Научный руководитель

д-р филол. наук,
зав. кафедрой ТГЯиМКК
О.В. Магировская

Нормоконтролёр

Я.М. Янченко

Красноярск 2022